

DIGITAL BOOK

МИРЫ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО
S-T-I-K-S

**ВАСИЛИЙ ЕВСТРАТОВ
ГАСИТЕЛЬ**

ИДДК

Василий Евстратов
S-T-I-K-S. Гаситель

Серия «S-T-I-K-S»

Серия «Миры Артёма Каменистого»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65062891
S-T-I-K-S. Гаситель: ИДДК; Москва; 2021

Аннотация

Иван Степанов, подросток с непростой судьбой, еще не знал что то, к чему он всю жизнь готовился, в том числе и на войне, уже практически наступило. И с утра уже не брат с друзьями будут проверять его подготовку, давая советы что из умений подтянуть, а что и с нуля стоит выучить. С утра проверять его будет мир... новый мир с его жуткими обитателями.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	31
Глава 3	50
Глава 4	70
Глава 5	90
Глава 6	110
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Василий Евстратов

S-T-I-K-S

Гаситель

Пролог

На кухне, за накрытым столом, плечом к плечу сидели два очень похожих друг на друга парня. Оба светловолосые, с одинаковой стрижкой «полубокс», только у старшего волосы чуть длинней и аккуратно зачёсаны назад, а у младшего – художественный беспорядок на голове. Оба крепкие на вид, но если старший, а ему уже двадцать семь лет, находился в самом расцвете сил, то младший только начал превращаться из подростка в мужчину. Высокая худощавая фигура совсем недавно начала мясом обрастать. В первую очередь руки и плечи налились, а тело всё такое же худощавое. Как говорил рядом сидящий брат – «Фигура пловца».

– Брат, ну как же так? – младший сидел, повесив голову, упёршись взглядом в стол и бездумно вертя в руках вилку. – Я же думал, что мы снова вместе...

– Да пойми ты, Ванька! – прервал его старший брат, положив руку ему на плечо. – Не могу я тебя и сейчас с собой взять. Тебе в школу через десять дней, какая... – оборвал он

сам себя и кинул быстрый взгляд на закрытую в кухню дверь. Тётка сейчас дома, так что даже шёпотом он не стал говорить, куда уезжает, так как она не знает, откуда они недавно вернулись. Думает, что на море были. Вот пусть и дальше так думает, нечего лишний раз её волновать. – Закончишь школу, сходишь в армию, потом уже начнёшь полноценно подключаться к нашим делам. А сейчас... Ну никак, пойми ты.

После этих слов Петра Иван ещё больше повесил голову.

Брат для него был центром вселенной и непререкаемым авторитетом. И если он сказал «никак», значит действительно никак. Придётся идти в школу, что, после недавно пережитого казалось форменным издевательством. Но спорить и настаивать он не стал.

С пяти лет Пётр его воспитывал, именно тогда их родителей и сестрёнку убили. В машине всех расстреляли. Тётка хоть и взяла их к себе – «Я хоть и непутёвая, но у меня вам всё же лучше будет, чем в детдоме» – но заниматься ими ей некогда было, свою жизнь периодически устраивала. Но оно и действительно лучше, чем в детдоме оказалось.хлопот они ей старались не доставлять, с деньгами тоже всё в порядке было – продали квартиру родителей, а также бизнес отца, в этом им его друг, земля ему стекловатой, помог, вполне приличную сумму выручили. Тётка, хоть и непутёвая, как она про себя говорит, на себя ни копейки из тех денег не потратила, всё на них пускала.

Жили вполне нормально, хоть и не было между ними той

любви и обычных семейных нежностей, но уважение друг к другу присутствовало. Во всяком случае, между Петром и тёткой, а потом, как Иван подрос, тётка и к нему стала так же относиться – «Оба в отца пошли! Ленка бы...» – дальше обычно не договаривала, слёзы на глазах, отворачивалась и просто рукой махала. Но и так понятно было, что хотела сказать.

Тётка, младшая сестра матери, тоже рано без родителей осталась. Не столь рано, как Иван, она школу как раз заканчивала, когда с разницей в два месяца после долгой болезни сначала умер отец, а потом и мать, тихо, во сне. Вот и остались сёстры сиротами. Старшая на себя сразу груз ответственности взвалила, бросила институт, работать пошла. А младшая без контроля родителей в разнос пустилась. Потом неудачный аборт и приговор, детей никогда не будет. На этой почве сёстры и разругались вдрызг. Хоть потом и помирились, по настоянию Николая, ставшего к тому времени уже мужем старшей сестры, но надолго им всё равно было лучше не пересекаться, обязательно поругаются.

Брат Ивана по стопам матери пошёл, после девятого класса бросил школу и работать пошёл, хоть особой надобности в этом и не было. Ну и младшего брата, хоть у них и разница в десять лет, от себя не отталкивал, часто с собой таскал, да учил его тому, чему его самого отец, бывший военный, успел научить. При этом продолжая и сам новому учиться, хватался за всё, что может в жизни пригодиться.

У брата и друзья такие же были, для многих людей – ненормальные, бандиты и «Тюрьма по вам плачет». Позже таких людей выживальщиками стали обзывать, которые постоянно к концу света готовятся. Но, если быть честным, для простых людей их увлечения действительно выглядели странными.

А брат действительно готовился и именно к концу света. Наверное, так на него смерть родителей повлияла, но ничего хорошего от жизни и от других людей он уже не ждал. И глядя на то, что в мире делается, всё больше и больше убеждался в своей правоте, что не зря готовился.

С каждым годом всё больше стран погружалось в хаос беспорядков и столкновений с полицией, а то и полноценных гражданских войн. Именно поэтому, когда в Прибалтике только начались выступления, брат с друзьями сразу поняли, к чему оно всё идёт, и рванули туда. Как он сказал перед отъездом: «Будем учиться у чужих, чтоб потом не допустить подобного у нас».

В девяностых, когда СССР развалился на части, Эстония, Латвия и Литва рванули в свободное плавание, объединившись в Прибалтийскую республику. Все последующие после этого события годы правительство там было вполне пророссийское, хоть и отделились, но выгоды свои прекрасно видели. Связи не рвали, оставались с нами в едином экономическом пространстве.

Но говны в стране медленно кипели, с каждым годом всё

больше и больше отравляя миазмами воздух. В итоге, как и предсказывал брат, простые выступления переросли в столкновения. Вылезшие из лесов «лесные братья» под оvaçãoи всего демократического мира стали призывать к полному отделению от России, правительство в отставку, а всех русских, там проживающих, депортировать, кто не согласен – под нож.

Призывали недолго, в течение месяца ситуация от простых митингов переросла в полноценную гражданскую войну. Предотвратить её России не дали, как-то там прижали её, официально действовать она не могла, как, впрочем, не могли и другие страны, поддерживающие лесных нациков. Прямо не могли, вот и потекли туда добровольцы, а оттуда беженцы.

Как полыхнуло, через некоторое время брат на несколько дней домой вернулся. Да не пустой. Пока границу окончательно не закрыли, они сумели проскочить с где-то добытыми трофеями.

«Мало ли, понадобится в будущем, а у нас оно уже есть», – показал он мне эти трофеи и где они их спрятали, после чего вернулся обратно в Прибалтику.

Как только учебный год закончился, и Иван к брату уехал, и всё лето на полноценной войне провёл. Проходил на практике то, чему его Пётр всю жизнь учил.

И вот теперь, они вернулись домой, десять дней отдохнули, но обратно уехал один брат.

Школа.

Он о ней и думать забыл, зато, как оказалось, не забыл брат.

Иван ещё не знал что то, к чему он всю жизнь готовился, в том числе и на войне, уже практически наступило. И с утра уже не брат с друзьями будут проверять его подготовку, давая советы, что из умений подтянуть, а что и с нуля стоит выучить.

С утра проверять его будет мир... новый мир с его жуткими обитателями.

Глава 1

– Ваня, – разбудил меня прозвучавший над головой тёткин голос.

– Что? – я сразу же открыл глаза. Брат с детства приучил быстро просыпаться, без всяких там потягиваний и полежу ещё пять минуточек.

Тётка выглядела плохо: тяжёлое, с присвистом, дыхание, плавающий взгляд, бледное, с нездоровой испариной, лицо – всё это прямо кричало, что она очень и очень нездорова.

– Что случилось? – увидев такое дело, я сразу же подорвался с кровати.

– Что-то странное происходит, Ваня. С утра непонятный туман был, больше на дым похожий и воняющий какой-то химией. Я сдуру, как только в этом тумане что-то сверкать прекратило, окно открыла, выглянуть на улицу хотела, – вымученно улыбнулась она. – Ну и надышалась... Видимо утечка какой-то заразы с комбината. Но это ничего, отлежусь, и всё в порядке будет. Я тебя почему разбудила, что-то странное на улице происходит.

После этих слов мой взгляд непроизвольно вильнул от её лица к окну, но ничего странного я там не увидел, обычное солнечное утро.

– Это три часа назад всё случилось, ещё на рассвете, – поняла она меня правильно, – и туман, или что оно там такое

было, рассеялся довольно быстро. Просто что-то происходит нехорошее в городе, Ваня, вот я и разбудила тебя. Мало ли что.

– Так, ладно! – встряхнулся я, окончательно просыпаясь. – Всё ты правильно сделала! Сейчас ложись давай, а то еле стоишь, а я пока скорую вызову. Потом со странностями в городе разбираться будем.

– Света и связи нет, – следуя в свою спальню, поддерживаемая мной под руку, просветила она меня ещё об одном нехорошем деле. – Во время тумана и то, и другое пропало. Видимо не зря за окном сверкало.

– Разберёмся! Ты лекарства пила какие-то?

– Да, – снова через силу усмехнулась она. Брат аптечку у нас сам собирал, на все случаи жизни там всё есть. И тётку в оказании первой помощи тоже натаскал, хоть она и сама, наблюдая за нашими увлечениями, к этому делу пристрастилась. До врача она может и не дотягивает, но вот до опытной медсестры – вполне. – От отравления и для очистки организма от токсинов лекарства приняла, не волнуйся. Полежу немного и должно полегчать, не так много я того тумана вдохнула. Как только вонь почувствовала, сразу окно и закрыла.

Но это меня не успокоило, мало ли чем она там надышалась. Помог ей нормально лечь, метнулся на кухню и бутылку воды ей притащил и лекарства, что на кухонном столе лежали, тёткой там оставленные, рядом с ней на тумбочку по-

ложил. После чего вернулся в свою комнату и...

– Что там у нас такое странное происходит? – приник я к окну. – Ага! Точно нехорошее! Совсем нехорошее, – бормотал я себе под нос, осматриваясь по сторонам.

Вид с шестого этажа из окна совсем не радовал. Сразу возле выхода из нашего подъезда лежали несколько тел, как в кино говорят – «в неестественной позе». Я же коротко скажу – стопроцентные трупы там лежали. Насмотрелся на них, не перепутаю. Но, главное, ни ментов, ни скорой не видать – это к странному можно отнести. Чай не девяностые на дворе, тогда, брат рассказывал, тоже, бывало, трупы по несколько дней по подворотням валялись.

Ещё к странному можно отнести то, что в стороне пьяные еле на ногах стоят, штормит их прилично, шатаются безостановочно и тоже на трупы ноль внимания, как будто это обычное для нашего двора дело. Ещё дальше толпа над кем-то склонилась и что-то там делает, но из-за острого угла обзора трудно рассмотреть, что именно.

В другую сторону глянул, там аналогичная картина, только и разницы что кто-то от пьяных довольно быстро за угол рванул, пока те к нему шкандыбали.

Что возле стоящего напротив дома происходит – не видать. У нас пространство между домами липами густо засажено, и уже под ними лавочки и детские площадки расположены. Под самым же домом берёзы растут, что тоже обзор не улучшает, так что из окна мне не видно, что там проис-

ходит, только зелёная крона деревьев лениво шевелится от небольшого ветерка.

– Действительно странное и нехорошее, – я прекратил глядеть в окно и принялся в темпе одеваться. – Ладно, трупы, но откуда пьяных столько?

Раздумывая об этом, натянул камуфляжные штаны, чёрную футболку с апокалиптическим принтом – вид из окна, наверное, навеял, – подпоясался широким армейским кожаным ремнём с латунной бляхой с изображением летучей мыши на ней, куртку не стал надевать – хоть и конец лета, а погода ещё жаркая стоит. Обулся в берцы – будет чем пьяных отоварить, а то гоняются они за людьми, видите ли. Надел часы, сунул ключи от квартиры, кошелёк и свой паспорт в карман, прихватил было «Барсика» – складной нож «Барс», подарок брата на одиннадцать лет, – он пусть и с коротким лезвием, но умеючи и им можно делов наделать.

Покрутил его в руках задумчиво, да и положил на место.

При разных ЧП менты обычно нервные, и до такого докопаются, хоть он и не является холодным оружием. Так что вместо ножа взял тяжёлую связку ключей на длинном шнуре. Приличный кистень, легальный притом.

Прежде чем уходить, заглянул к тётке: глаза закрыты и вроде уже не так тяжело дышит. Не стал её тревожить. Тихонько прикрыл дверь и направился на выход. Нужно узнать, что такое в городе происходит и до больницы прошвырнуться, скорую желательно вызвать. Если же не получится, то,

скорее всего, придётся самому тётку к врачам везти, хоть она и хорохорится.

Света нет, лифт не работает. Для меня-то не проблема спуститься с шестого этажа, но чую, скоро тётку болящую придётся на руках нести вниз, что не есть айс. Сам могу не справиться – хоть она и худощавая, но шестой этаж...

«Нужно машину ловить и с водилой сразу договариваться, чтоб помог спуститься. Накину ему, если что, за помощь».

С этими мыслями и направился вниз, перепрыгивая через несколько ступенек, но периодически останавливаясь и прислушиваясь – что в подъезде делается, да втягивая носом воздух – принюхиваясь. Но ничего странного-вонючего не унюхал, обычные подъездные запахи. Если что и было, то, как и говорила тётка, всё уже развеялось. Услышать тоже ничего не услышал, тишина полная. Я бы даже сказал, нездоровая такая тишина.

Спустившись до второго этажа, насторожился – площадка прилично так кровью забрызгана. Тут явно не палец кто-то порезал.

Проследил взглядом, до какой двери кровавый след тянется. Кажется, я уже догадываюсь, откуда трупы на улице образовались, и откуда столько пьяных. Допрыгался, морячок!

Квартира, возле которой чуть ли не лужа крови натекла, принадлежит Витьке-моряку, добродушному в обычной жизни здоровяку, но буйному во хмелю. Не всегда, но бывает, находит на него и тогда всем мало места становится. Брат

раз воспитывал его пьяного, что не каждый решится сделать, всё же двухметровая туша с плечами, на которых выспаться можно. Но Витьке тогда крупно не повезло, он открыл рот на возвращающуюся домой нашу тётку, а брат в этот момент с другой стороны подходил и стал свидетелем этой его ошибки.

Тётка-то в подъезд нырнула, не стала связываться, а вот брат задержался. Сам не видел, но пацаны потом рассказывали, что сердобольные старушки Витьку даже жалеть принялись, чего никогда раньше не происходило, если тот подвыпивший. Петька отметелил его так, что в дальнейшем, даже будучи пьяным, он с тёткой всегда вежливо здоровался и начинал дружкам рассказывать, какой классный парень мой брат. Ну и тогда, когда на следующий день протрезвел, приходил к тётке извиняться, чего лучше бы не делал. Морда – сплошной синяк, перегарище на версту, и он с тортиком. Видимо из плавания вернулся и гулянку устроил. И, наверное, крышу в очередной раз сорвало...

«Похоже, подрезали его, когда буянить начал, – ещё раз осмотрел я лужи крови, – вот и трупы образовались. Но где менты?»

Сам я вчера вечером на улицу не ходил, с тёткой целый день костюм мне в школу, будь она неладна, подгоняли. Выпускной класс, нужно соответствовать. Так что, когда закончили, дома решил остаться, телек посмотреть, а потом и спать завалился. Решил перед последним днём каникул ото-

спаться впрок.

«Вот всё веселье и проспал» – замер я перед выходом, прислушиваясь.

Догадки догадками, но это не отменяет того, что ещё и туман какой-то странный и вонючий был. Так что выскакать сразу на улицу не стал. Отжав язычок замка и медленно приоткрывая дверь, принялся осматриваться.

Возле подъезда трупы, тут я не ошибся. Ошибся в количестве пьяных: за длинным рядом машин, стоявших вдоль дома под деревьями, их там приличная толпа собралась.

Какого они делают?

Опять, как и из окна недавно наблюдал, сколько-то там человек над кем-то склонились и непонятно что делают, машины не дают рассмотреть, что. А вокруг этих делателей толпа прилично пьяных стоит, волнуется, что-то там ворнякают, за гулом голосов не разобрать.

Уже смелее вышел из подъезда наружу, всё также вертя головой по сторонам. И чем больше оглядывался, тем больше мне не нравилось то, что я вижу. Не мог Витька такое количество народа спить! Вот трупы, это точно его дело – черепа от ударов внутрь аж вогнуло, видимо сильно они его раздраконили, что он совсем тормоза потерял и со всей дури лупил. А вот...

– Вот... Фак! – выдохнул я потрясённо.

Некоторые из «пьяных» в мою сторону оглянулись, а у них вся морда в крови. Кинул снова взгляд на трупы – у этих то-

же, как будто до того, как прилечь «отдохнуть», жрали кого-то.

Витька́, скорее всего.

Всё больше и больше голов поворачивалось в мою сторону, и теперь я ясно слышал, что они не ворнякают, а утробно урчат, как дорвавшиеся до мяса коты, которое у них забрать пытаются.

– Фак! – вырвалось повторно, когда в мою сторону двинулось сразу пятеро, всё так же урча и привлекая этим ко мне всё больше и больше внимания других... – Писец, похоже, всё же настал!

Волосы на голове зашевелились, когда я столкнулся взглядом с первым, уже доковылявшим до машин...

– Зомби, – прошептал враз онемевшими губами, сразу поняв, что это именно они и есть.

Натуральные зомби. Не такие, как в фильмах показывают, там уроды сплошные. Тут же обычные люди. Этот вот, что первый в мою сторону двигается, дядька Женька с четвёртого этажа, заядлый доминошник. Только нет больше доминошника, его глазами на меня сейчас смотрит какая-то тварь с жуткими голодными глазами.

Уже заскакивая обратно в подъезд, услышал, как и с боков «пьяные» заурчали, так что поспешил захлопнуть за собой дверь и, убедившись, что замок защёлкнулся, произнёс в третий раз:

– Фак!

Правда, тут же рот захлопнул, очень уж гулко мои слова в подъезде прозвучали. А от пронзившей голову мысли, что на голос могут из квартир зомбаки повалить, захотелось ещё громче выругаться. Чёртовы фильмы и моё больное воображение.

Но фильмы фильмами, а шуметь всё же не стал. Вместо этого, стараясь не обращать внимания на приближающееся урчание с улицы, настороженно прислушался к тишине подъезда.

Или не совсем тишине?

Если не ошибаюсь, то сверху кто-то спускается, шаркая ногами.

«Вряд ли старушка!» – тело холодком обдало от мысли, с кем столкнуться придётся.

В этот момент «дядька Женька» видимо добрался до двери подъезда.

– Чёрт! – подпрыгнул я от гулко-го удара в дверь и раздавшегося, кажется, прямо над ухом, урчания.

Отошёл от двери и снова прислушался, что не так просто было сделать из-за продолжавших долбиться снаружи в дверь «дядьки Женьки» с друзьями и выскакивающего из груди сердца.

«Точно, кто-то спускается» – всё же кое-что я услышал.

Наклонился и в проём между лестничными пролётами вверх посмотрел... Никого не видно.

«Наверное, вдоль стены идёт».

Достал из кармана связку ключей, намотал шнур на правую руку, дёрнул пару раз, проверяя длину, и как крепко он держит связку. Прodelал всё это на автомате, продолжая смотреть вверх.

И не зря смотрел, увидел, как на площадке между четвёртым и третьим этажом кто-то мелькнул.

Волнения как такового уже не было, даже сердце успокоилось и прекратило истерично долбиться об рёбра. Всё же успел я оценить скорость зомбаков на улице. Совсем медленно они движутся. Так что, если по лестнице только один спускается, а походу это так и есть, то мне даже драться не обязательно. Дождусь, пока он до конца пролёта дойдёт, сам через перила перемахну и обойду его. Да по-любому так и сделаю, если драться придётся, то сверху вниз бить всё же удобней будет, хоть ключами, хоть ногой в голову.

Шарк, шарк, шарк, – шаги медленно приближались. Зомбак ещё дважды на площадках мелькнул, а я весь подобрался, готовясь увидеть, кому ещё не повезло.

– Ах, чёрт! – меня даже перекосило, когда увидел – кому.

И не внешний вид красотки Светки с восьмого этажа меня впечатлил. Хотя перемазанную с ног до головы в крови двадцатитрёхлетнюю девчонку, которая неизвестно от кого двойню родила, теперь трудно красоткой назвать.

Этот неизвестно кто ей в нашем доме два месяца назад квартиру купил. На крутом джипе иногда приезжает, явно не муж, но кто такой и как зовут, никто не знает. Приезжает,

ни с кем не здороваясь, да даже не смотря ни на кого, сразу в подъезд и в лифт ныряет. Так же и уходит. Светка от него, впрочем, тоже не сильно отличается, такая же высокомерная стерва. Со мной, во всяком случае, за всё это время ни разу не поздоровалась.

Так вот, как и говорил, двойня у неё. Поэтому в чьей крови она, даже вопросов не возникло. Сожрала, тварь, детей новорождённых своих, теперь за добавкой спускается. Видимо услышала, как я вниз спускался и следом пошла. Только почему я её раньше не услышал, когда сам вниз шёл?

Наверное, устала, к лифту привычная, вот и начала шоркать, а поначалу тихо шла.

– Уррлр! – увидела она меня и, неприятно удивив, довольно быстро и уже без шорканья, вниз по лестнице, не побежала, но близко к этому.

– Уррлр! – в этот раз она уже не предвкушающе, а возмущённо заурчала, когда я, перескочив перила, на лестницу на второй этаж перебрался. В руки ей, видите ли, не дался, возмущается.

– Хрен тебе, а не моё мясо! – метнулся быстро на площадку и, развернувшись, приготовился встречать не желающую меня так просто отпускать С... уже не Светку, а тварь ненасытную в её теле. Столкнувшись же с ней глазами, я мысленно стал её величать именно тварью, зомби, упырём, набираясь решимости.

Тащить её на хвосте до своей квартиры я не собирался,

будет там топтаться, поджидать, да других зомбаков приманивать.

«А мне ещё с тёткой на руках выходить, так что лучше сразу здесь и разобраться. Ради тётки» – нашёл я последний довод, после которого окончательно и решился.

Ждать долго не пришлось, она прилично быстрее тех, что сейчас на улице бродят.

– Н-на! – впечатал ей связкой ключей в голову... – Фак!

Удар хоть и хороший вышел, у зомбячки даже кожа в месте попадания лопнула, обычного человека точно бы как минимум оглушил, но сейчас ожидаемого эффекта я не достиг. Тварь только головой чуть мотнула, но даже скорости не снизила, так спешила до меня добраться.

Еле увернулся от уже готовых схватить меня рук с длинным острыми накладными ногтями и рванул на второй этаж, подгоняемый очередным возмущённым урчанием.

Там связку ключей, как бесполезную, в сторону отбросил и встретил довольно быстро добравшуюся до меня зомбячку ударом берца в голову. Но и этот удар ожидаемого результата тоже не достиг, как по сделанной из плотной резины туше долбанул. Да и попал в этот раз не совсем туда, куда хотел, при ходьбе она приличный маятник качает. Так что её хоть и откинуло чуть назад, но даже тут попыталась за штанину меня ухватить.

– Вот тварь!

Опять было рванул вверх, но быстро передумал. Чуть при-

тормозил и, когда она уже почти добралась до меня в очередной раз, снова через перила перескочил. Только теперь уже вниз.

Зомблячка чуть замешкалась, буквально из-под руки у неё выпрыгнул, вот и потеряла из виду на миг, но довольно быстро увидела меня, обрадованно заурчала и припустила вниз по лестнице... вернее, попыталась это сделать. Как только она сделала первый шаг, я сразу же схватил её за ногу сквозь решётку перил и на втором шаге она, запнувшись, полетела по лестнице кувырком.

Подняться я ей уже не дал.

– Сдохла, наконец! – сплюнул я ставшую вдруг горькой слюну на кровавые разводы, ещё после Витька оставшиеся. – Но какая живучая, тварь!

Пока ногами её топтал, всё пыталась то подняться, то за ноги меня схватить, а то и просто укусить. Но последний, прилетевший ей в висок особо удачный удар, даже хрустнуло там что-то у неё, поставил точку в нашем противоборстве.

Сплюнул ещё раз, горечь во рту и не собиралась проходить, вытер о футболку только сейчас начавшие обильно потеть ладони, после чего прислушался – не идёт ли там ещё кто ко мне? Нет, не тишина, но по лестнице вроде никто больше не торопится спускаться. Зато из-за некоторых дверей уже начало доноситься знакомое урчание.

«Как бы не выбрались, – всерьёз озабочился я этой какофонией. – От толпы не отмахаяюсь».

Поспешил вернуться в квартиру, кинув напоследок взгляд уже на Светку. Мёртвая, она лишилась той жуткой ауры и уже была просто... Горечь снова во рту собралась, и я со злостью сплюнул. Не время рефлексиям предаваться, сколько ещё таких Светок снаружи бродит, замаешься отмахиваться. Так что больше о ней не думая, что легко получилось, с опаской посматривая на двери, из-за которых доносилось урчание, я быстро поднимался на свой этаж.

А как поднялся, так и замер перед своей дверью. Очень я боялся того, что могу там увидеть. Но всё же пересилил себя и, тихонько провернув ключ в замочной скважине, приоткрыл дверь.

Тишина.

За дверью никого не оказалось. Чуть ли не на цыпочках направился напрямиком к тёткиной спальне.

Тоже вроде тихо.

Приоткрыл дверь...

– Тётъ Вик? – окликнул стоявшую у окна тётку. – Ну нет! Нет! Нет! – что есть силы зажмурился, закрывая дверь и стараясь не вслушиваться в доносившееся из спальни уже не раз за сегодня слышанное урчание.

Хоть я и подозревал что-то такое после всего увиденного на улице, но до последнего надеялся, что то, чем она надышалась, на неё не повлияет и всё обойдётся. Не обошлось. Как только она на мой голос обернулась, сразу понял – не обошлось.

Урчание приближалось, а я стоял и просто не знал, что делать. Даже не ожидал, что по мне так сильно ударит её смерть. И не важно, что она не умерла, а в зомби превратилась. Это даже ещё хуже. Так как в отличие от Светки, которая мне никто, тётку я ни бить, ни тем более убить не смогу. Вот и стоял, тупо смотрел на дверь, да слушал, как она урчит и в дверь скребётся.

Скребётся, но дверь открыть не может.

Постоял так ещё минут пять, после чего в свою комнату ушёл, где в кресло упал, что возле стола у окна стояло.

Никогда мы не были близки, она своей жизнью жила, мы с братом своей, но вот её не стало, и на душе пустота. Правда, недолго эта пустота надо мной властвовала. Мысль о брате, который так не вовремя уехал, привела меня в чувство, и я, чувствуя, как волосы дыбом на голове поднимаются, вскочил на ноги и принялся метаться по комнате.

– Братан! Братан! Бра-атан, блин, – замер я от пришедшей в голову мысли. – Это что же, по нам чем-то шандарахнули? Война не только в Прибалтике, но и... мировая началась, получается?

Поняли, дерьмократы, что несмотря на разгул либерастни, за воплями которых обычных людей и не слышно было, в нашей стране они всё же есть, так как в Прибалтику приличная толпа добровольцев рванула, что западники даже о вторжении армии кричать начали. Ещё бы они не кричали – «лесных братьев», вылезших из тех же лесов, что и они, бан-

дер с Украины, нациков из Белоруссии, грузин, недобитых и снова объявившихся чеченских боевиков, и ещё многочисленных борцов с русскими разных национальностей явно не хватало чтоб Прибалтику под себя подмять.

Обосрались при виде серьёзного подъёма народного патриотизма, вот и... превентивно, как говорится. Отсюда и туман вонючий, и зомби эти...

– Чёрт, как же не вовремя ты уехал! – я подошёл к окну и посмотрел на толпу, как думал поначалу, пьяных.

Они сейчас, всё также пьяно шатаясь, возле подъезда собралась. Некоторые, смотрю, приваленных Витькой жрать принялись. И к этому пиршеству подключалось всё больше и больше зомбаков.

С брата мысли переключились на друзей, с которыми он сейчас в Прибалтике находится, как-то так получилось, что его друзья и моими стали. Особенно теперь, когда я с ними на войне побывал, там наша разница в возрасте окончательно сгладилась. После чего мысли быстро перетекли на их родственников. Если я не заразился, то может и из них кто уцелел? Брат с друзьями, если живые, то, как вернутся, обязательно спросят, что с ними. Особенно Леха, у кого единственного из их компании жена и ребёнок есть. Остальные все, как и мой брат, закоренелые холостяки.

Нужно идти проверять и выбираться из города, тут вскоре лютый звиздец начнётся. Если уже не начался.

После принятого решения мандраж отступил, я снова об-

рёл опору под ногами, а голова ясно заработала. Осмотрелся было вокруг, решая, что брать с собой в первую очередь, но быстро одумался. Есть то, что в первую очередь сделать нужно.

Тётка никак не угомонится, всё так же продолжает в дверь спальни скрестись, а урчать, если мне не кажется, ещё громче стала, чем поначалу. Вот я первым делом в туалет и метнулся, где за унитазом швабра деревянная стояла. Прихватил её и в кладовку за ножовкой рванул, возле тёткиной двери примерился и отпилил лишнее у ручки. Вот этой укороченной шваброй ручку двери и подпёр, да ещё взятой в кладовке изолентой к ней и прихватил. Чтоб надёжней было. Теперь тётка не выберется даже случайно, и мне не придётся с ней воевать.

Вытер испарину с лица – от издаваемых тёткой звуков прилично так в пот бросает. (Даже самому себе не признался, что не испарина, а слёзы). Чтобы окончательно успокоиться, в ванную заскочил... воды в кране нет, блин! Пошёл, взял полторашку из упаковки, вылил её в тазик и по пояс обмылся. После чего вернулся в комнату, на ходу вытираясь, и первым делом оделся. Чёрную футболку снова надевать не стал, сменил её на камуфляжную. Жарко, не жарко, но куртку камуфляжную, с нашивкой «Скаут» – позывной мой, всё же надел. Ремень понтовый, кожаный, сменил на нейлоновый – он мне привычней, и натёртая латунная бляха на кожаном сверкать не будет лишней раз. Tактические перчатки с

обрезанными пальцами на прикроватную тумбочку бросил, а из неё, из ящика, «Барсика» складного, недавно отложенного из-за ментов, достал и в карман сунул. Оттуда же и другие ножи достал. Угольно-чёрный Ка-Ваг – болел им сильно одно время, вот и купил через знакомых. На ментов теперь плевать, пусть предъявляют, если встретятся на пути. Повесил его на пояс, а златоустовский «Кистень», как и «Барс», тоже подарок брата... Вспомнил, как он шутил, даря его, что если апокалипсис наступит и зомби всё же придут, то он мне пригодится.

«Шутник, блин! Интересно, что теперь скажет? – держа нож в руках, снова все мысли на брата переключились. – Только бы вернулся».

Покрутив его, решительно сунул в ножны и отложил пока в сторону, отбросил все левые мысли и дальше собираться принялся.

Вытащил свой рюкзак тридцатилитровый из шкафа и достал из него наколенники, два ремня автоматных и разгрузку – последние чуть погодя в рюкзак обратно уберу, а вот наколенники сразу же надел. Теперь, что бы ни случилось, драпать я готов, но лучше бы спокойно собраться.

Из потайного, первого к спине кармана основного отделения достал гидратор¹ на три литра и сходил, наполнил его водой, с грустью наблюдая, как вода стремительно уменьшается в упаковке. Вернул его на место и через специальное

¹ Питьевая система.

отверстие сверху рюкзака вывел наружу гибкую трубку. Теперь воды надолго хватит, не придётся о ней беспокоиться.

Снова в шкаф нырнул, сменные вещи достал и на дно рюкзака уложил, после чего в стол полез и фотоальбом достал, а также упаковку дисков с этими же фотографиями – это самое главное, память о родителях, сестре, тётке и... надеюсь, брат всё же вернётся. Укрыл это всё разгрузкой, ремни сверху на неё бросил и пошёл аптечку распотрошил, продуктов на сутки набрал, мыльно-рыльное, два налобных фонаря сверху в рюкзак закинул, к ним пару небольших светодиодных аккумуляторных светильников, скоро они понадобятся. И... – огляделся по сторонам, – больше ничего брать не буду. Мне сейчас скорость нужна, а за остальным, если будет возможность, ещё вернусь.

Бандану цвета хаки на голову, перчатки на руки, «Кистень» в рюкзак, его в руки и на выход. Постоял перед дверью в тёткину спальню, слушая, как она скребётся с той стороны, тряхнул головой...

– Прощай!

Направился на выход, под ещё более громкое урчание, как будто поняла, что я ей сказал.

Прежде чем окончательно квартиру покинуть, снова в кладовку нырнул и стометровую бухту репшура прихватил, к рюкзаку её прикрепил, более чем уверенный, что пригодится, а также туристический топорик-томагавк «Buck Camp Ахе» в нейлоновом чехле. Пусть топорик небольшой, но от-

махнуться, случись нужда, его хватит. Да и метать я его умею, отдыхая на природе, неплохо научился это делать. Так что, был бы он тогда со мной, не пришлось бы столько с зомбячкой возиться.

Вот теперь всё!

Окинул напоследок квартиру взглядом, почему-то чувство такое возникло, что не вернусь я сюда больше. Вздохнул невесело, слушая тёткино уже ставшее совсем громким урчание, приладил чехол топорика на пояс, закинул рюкзак за плечи, стропами отрегулировал его, чтобы нормально сидел и, больше не оглядываясь, вышел из квартиры. Замкнул её, ключ под коврик придверный положил: может брату понадобится, если надумает сюда сначала сунуться, когда вернётся.

Постоял с минуту, прислушиваясь к тишине подъезда – зомбаки утихомирились, больше не урчат, – и направился вверх по лестнице. Сначала с крыши осмотрюсь, а потом уже буду решать, куда в первую очередь податься.

На восьмом этаже сразу бросилась в глаза открытая дверь в Светкину квартиру. При мысли о трагедии, что там случилась, снова горечь к горлу подступила, и я поспешил проскочить мимо, даже не заглядывая внутрь. И так запах скотобойни оттуда распространялся и преследовал меня до тех пор, пока я на крышу не выбрался.

В разных концах города, судя по дымным столбам, разгорались приличные пожары.

«Как бы весь город не выгорел», – мелькнула тревожная

мысль.

Долго на это дело я не паялился, как и во двор пока не стал идти смотреть. Пошёл к другому краю крыши, на проезжую часть посмотреть.

«Не все в зомби превратились, бегают люди, – вздохнул я облегчённо и с надеждой, что может кому из наших тоже повезло. – Но нужно быстрее шевелиться. Если мои догадки верны, то зомби, как и Светка, нажравшись мяса, быстрее становятся. А ведь они сейчас жрут, массово жрут. И эта ото-жравшаяся толпа скоро побежит ловить таких вот бегунов».

По Малой улице Ленина, то между стоящими тут и там машинами, то сворачивая на аллею, уворачиваясь от многочисленных зомбаков, бежала, если не ошибаюсь, женщина. Ну, или низкий и полноватый мужичок. Но это не важно.

Важно сейчас – время!

Его до того, как твари отожрут, совсем немного осталось. Так что я пожелал бегуну удачи, и принялся в голове маршрут составлять, как и куда, да к кому первому направлюсь.

Глава 2

Маршрут составил довольно быстро. По кругу нужно будет пробежать, благо живут их родственники почти все на девятом микрорайоне, что через дорогу от нашего одиннадцатого находится. Только Лёхина жена с ребёнком на восьмом живёт, но с краю, на границе с девятым. Там недалеко и квартира моего брата находится, сразу им после армии купленная, куда мне тоже заглянуть не помешает. Есть там то, что у тётки мы не хранили, а мне точно понадобится.

Но, прежде чем в забег пускаться, даже стыдно стало, что только сейчас о нём вспомнил. Нужно не к другу, но хорошему приятелю, с которым часто в одних и тех же компаниях тусовались, к моему однокласснику заскочить. Благо живёт он в этом же доме на третьем этаже, только через подъезд от нашего.

Кинув взгляд на уже превратившегося в точку бегуна, я мысленно его поблагодарил, так как за ним потянулась приличная толпа зомби, освобождая мне путь через дорогу к девятому микрорайону. Я направился к нужной надстройке, через которую и спустился без приключений в подъезд к Вавилону Андрюхе.

Спустился, и сразу же, уже привычно замерев, прислушался, не урчит ли кто-нибудь? Ничего подозрительного не услышал и начал спускаться, держа топорик наготове. Ес-

ли какая «Светка» или «дядька Женька» по пути попадутся, есть чем их встретить.

Не попались. Хотя понервничать всё же пришлось – на восьмом, пятом и четвертом этажах двери в некоторые квартиры были открыты. На четвёртом даже уже знакомый запах скотобойни учуял, но замок в двери, в отличие от других открытых, здесь автоматический оказался, чем я и не преминул воспользоваться, тихонечко прикрыв эту дверь до щелчка.

Постоял немного, но урчания изнутри так и не последовало – или там уже нет никого, или зомбак так занят, что просто ничего не услышал. Но чёрт с ним, главное теперь со спины ко мне не забредёт – по тётке уже понял, что двери они открывать не умеют.

У Вавиловых в квартире, прижав ухо к двери, тоже ничего не услышал. Прежде чем постучать, нажал на ручку и снова замер – дверь не замкнута оказалась. Медленно открыв её, прислушался и принюхался. И унюхал обычные для этой квартиры запахи, особенно сильно ощущался запах духов Анжелы Олеговны, матери Андрюхи. Ничем подозрительным не пахло, но вот стук, раздавшийся со стороны кухни, меня насторожил. Я даже вздрогнул от неожиданности. Хоть и надеялся на положительный результат, но всё равно не ожидал услышать ничего, кроме урчания. А тут сразу после стука раздалось бульканье, кто-то что-то во что-то наливал.

Так же тихонько закрыл за собой дверь и направился на кухню. Где увидел отца Андриюхи, что сидел за столом в дупель пьяный и неотрывно смотрел на налитый чуть ли не до краёв стакан водки. Бутылкой, уже ополовиненной он, наверное, и стучал недавно. Ещё две пустые стояли на полу, возле ножки стола.

– А, Ванька, – заметил он меня, молча стоящего в проходе. Поведение Николая Олеговича было до такой степени нетипичным, что я нутром понял, что и у них в семье случилось что-то плохое. Он обычно не пьёт, язвенник, а тут уже третью бутылку в одно горло приканчивает. Поэтому и стоял молча, не находя слов. – Пришёл? Молодец! Садись, помянем, – махнул он рукой со стаканом напротив себя.

Ничего не говоря, я вложил топор в чехол на поясе, прошёл на кухню и пододвинул к столу табурет, но прежде чем сесть, взял из шкафа рюмку и поставил её на стол. Николай Олегович так же молча её наполнил, снова поднял свой стакан и в два глотка опрокинул его в себя. После чего со стуком поставил его обратно на стол и, тут же прижав кулак к носу, глубоко втянул в себя воздух, типа закусил.

Не успел я выпить свою рюмку, как Николая Олеговича сначала затрясло, а после он из-под стола приподнял вторую, до этого скрытую от меня левую руку, перевязанную бинтом с выступившей на нём кровью. Чуть вытянул перед собой крепко сжатые кулаки и с трудом их разжал...

– Вот этими руками... Сам... С-сына... Ж-жену... – и та-

кое отчаяние в его голосе прозвучало, что у меня всё тело заглодело, а волосы под банданой зашевелились.

С трудом выдавив из себя эти слова, он с хлопком закрыл ладонями глаза, опёрся локтями на стол и, продолжая подрагивать плечами, с минуту так просидел. Я думал, прорвало, плачет. Но нет, когда он ладони от глаз оторвал, следов слёз вообще не было видно, зато и пьяным он уже не выглядел. Горе полностью выжгло недавно выпитое спиртное. И он, взяв себя в руки и прекратив трястись, взглянул на меня абсолютно трезвыми глазами и спросил:

– У вас как, Вань?

– Тётка... – выдавил я из себя, с трудом проглотив вставший, после услышанного, в горле ком, и тут же опустил глаза в стол, не выдержав его пристального, казалось в самую душу глядящего взгляда.

– Помянем! – тяжело вздохнул он, после чего снова налил до краёв стакан и мою рюмку.

Молча выпили.

– Ты собрался, смотрю... – нарушил он молчание, после того как снова занюхал кулаком водку. – Из города уходишь?

– Да! Но не сразу. Сначала к родным друзей заскочить нужно, может, кто выжил... – закончил я неловко.

Покивав каким-то своим мыслям, он тут же встрепенулся и произнёс:

– Уходил бы ты сразу, Ваня! Видишь, что за окном творится... Конец света наступил, – судорожно втянул он в себя

воздух, глядя в окно. – Люди в зомби превращаются.

– Не могу, дядь Коль! – мотнул я головой. – Парни вернутся, что я им скажу?

– Они же в Прибалтике? – посмотрел он на меня уже не таким острым взглядом – водка снова начала действовать. – И ты, я так понял, летом там же побывал?

– Побывал! – сознался я, так как не видел смысла теперь это скрывать.

– Мы с мужиками сразу подумали, что вы туда, а не на море рванули. Очень уж резко Женька с братом твоим сорвались. А потом там полыхнуло...

Женька Нойкин, самый старший из друзей брата, двадцать девять лет ему. Работал автомехаником в гараже, где Николай Олегович мастер. Его он и просил перед отъездом рассчитать с работы без отработки. Так что, зная Женькины увлечения, неудивительно, что они догадались.

– Совсем ты взрослым стал, Ванька! На войне побывал... – потянулся он под стол и достал ещё одну бутылку водки. – А мой Андрюха, лоботряс! Бабы и гулянки до утра, ничего больше не интересовало... – Скрипнув зубами, он снова налил и, подняв свой стакан, хрипло произнёс: – Давай, Ваня, выпьем! А потом беги, нечего тебе тут со мной сидеть, ждть пока и я зомби стану.

– Может вы со мной, дядь Коль? – подняв рюмку, спросил я у него. – Что вы тут...

– Не надо, Ваня, – мягко оборвал он меня. – Я тут вот... –

заглянул он под стол, – ещё пару бутылок, что на день рождения закупил, допью, и или зомби стану, или... – не стал он договаривать, что «или», а вместо этого пожаловался: – С утра эта зараза меня никак не возьмёт, водка, наверное, не даёт. Жена вот рано утром обратилась и укусила меня, пока я пытался понять, что происходит. Боролись с ней, и случайно... шею ей свернул, – вздохнул он горько. – Бросился к сыну, а там... – опрокинув залпом стакан, он выдохнул: – Сын как кровь учуял, так заурчал страшно... Люди так не могут, Ваня... Задушил я его, глядя в его такие жуткие и такие родные глаза...

Его снова затрясло. Да и у меня самого слёзы на глазах выступили, и я поспешил опрокинуть свою рюмку, занюхав её рукавом и стараясь не смотреть на него.

– Иди, Ваня! – не отнимая рук от глаз, заговорил он снова. – Спасибо, что зашёл, я очень рад, что у моего сына такой друг. Но помочь тебе не смогу... сломался я. Так что иди, и пусть у тебя всё получится, – всё же посмотрел он на меня, грустно при этом улыбнувшись.

Ушёл я через окно. Даже верёвкой пользоваться не стал, на руках повис и, чуть оттолкнувшись от стены, спрыгнул на газон, довольно мягко толкнувшийся при приземлении в стопы. Равновесие не старался удержать, завалился на бок, но тут же крутанувшись, встал на колени, готовый стартовать, и в очередной раз, только теперь уже с земли, внимательно осмотрелся. Зомбаков поблизости не видать, одни ушли

вслед за бегуном, другие пока сюда так и не подтянулись.

– Порядок!

– Прощай, Иван! – так же еле слышно ответил мне Николай Олегович. Махнул на прощание рукой и закрыл окно. Пошёл, наверное, допивать свою водку, да оплакивать собственноручно убитых сына с женой.

Я же, хоть на душе и было тяжело, заставил себя собраться, что было трудно сделать – водка прилично в голову ударила, на голодный-то желудок. Но доставать что-либо из рюкзака, чтоб закусить, я не стал, а вместо этого сунул мундштук, расположенный на конце шланга гидрационной системы, в рот, и прилично напился, приглушая водой и жажду, что после водки во рту поселилась, и голод.

«Но перекусить не помешает» – думал я, перебегая дорогу и ныряя в тень аллеи.

С утра как-то не до этого было, слушая тёткино урчание вообще о еде не вспоминал. А сейчас желудок, водкой раздраженный, не хуже зомби рычать начнёт, жратвы требуя. И водой его, похоже, обмануть не удалось, только ещё больше есть захотелось. И даже обглоданный костяк какого-то бедолаги, что по пути мне встретился, аппетита не отбил. Только скривился от этого зрелища, да дальше побежал. Привыкаю к нынешним реалиям потихоньку.

Залёг за деревом на другой стороне аллеи и сквозь решётку ограждающего забора, что вдоль проезжей части тянулся, принялся дальнейший маршрут для рывка высматривать.

Тут, на просто «ул. Ленина», в отличие от «Малой», было приличное количество зомби. Не нашлось бегуна, который бы их за собой оттянул. И особенно их много именно там, куда я совсем недавно планировал за едой заскочить. В рюкзаке пусть на вечер и на утро НЗ будет, а тут, на первом этаже девятиэтажек, магазины густо расположены.

Думал, там найду, чем закусить. Ан нет, зомби, по старой памяти, тоже там собрались, рассчитывая, наверное, как и я, только не чем-нибудь, а кем-нибудь перекусить.

Взгляд остановился на небольшом ларьке, что возле остановки у дороги стоял и торговал всякой всячиной. Водой, напитками, шоколадками, сигаретами... найду, чем закинуться.

Только вот между мной и ларьком машины, на дороге брошенные, в приличном таком количестве стоят, и толстушка, впечатляющих таких габаритов молодуха, между ними чуть в стороне потерянно бродит. Остальные водители, похоже, возле магазинов столпились, куда она не решилась идти, чтоб там народ собой не соблазнять.

«Заметит или не заметит? – переводил я взгляд с неё на ларёк, и обратно. – Со стороны домов точно не заметят, а вот она, хоть и буду машиной прикрыт, но...»

Я решился, когда живот, пока ещё негромко, рыкнул. Не хватало ещё так к себе внимание привлечь. Так что выбора не осталось: или НЗ, или ларёк. На крайняк убегу, как тот недавно виденный бегун или бегунья.

И, больше не колеблясь, тем более что толстушка как раз спиной ко мне повернулась, рванул вперёд. Сходу перескочил забор и, пригибаясь как можно ниже к асфальту, направился к ларьку, петляя между стоявшими на дороге машинами.

Выдохнул облегчённо – добрался, и пока никто меня не пощипал, и радостно урчать не принялся. Выругался мысленно на тонировку стёкол у некоторых автомобилей, сквозь которые ничего толком не видно. Пришлось над капотом приподниматься и осматриваться.

Волосы на голове в очередной раз за сегодня дыбом встали. И не толстушка тому виной, хоть она сейчас и торопливо, но на самом деле медленно и путаясь в ногах, направлялась в мою сторону. А вслед за ней, чуть более шустро, бежала четвёрка разнопородных крупных собак. Вот они меня и напрягли. Не знаю как у людей-зомби с нюхом, но подозреваю, что у собак, пусть даже и таких недомёртвых, с ним всё в порядке.

Но собаки меня пока не учуяли, а догнали выбранную жертву и сразу же вцепились ей в ноги. Зомбьячка, в панике урча, завертелась на месте, пытаюсь их сбросить, но когда этого не получилось сделать, направилась напрямик к придорожному забору и, навалившись на него всей своей массой, перевалилась на другую его сторону, на газон аллеи.

Подняться собаки ей уже не дали. Пусть поначалу она их и сбросила с себя, лишившись при этом приличных кусков

мяса на ногах, но, жадно проглотив добытое, эти четвероногие твари не перепрыгнули, ловкости в таком состоянии им недостаёт для таких трюков, а тоже перевалились через забор, и сразу же вцепились в свою жертву. Она ещё делала несколько попыток встать, но вот одна из собак, рыжая, если не ошибаюсь, бордосский дог, вцепилась ей в шею и, резко дёрнув головой...

Пасть, что гидравлические пресс-ножницы, как те металл, так эта шею ей перекусила. Желательно от них подальше держаться, да и вообще с ними лучше не пересекаться.

Отбросив всякие мысли о ларьке, снова пригнувшись к асфальту и постоянно оглядываясь, я направился вглубь девятого микрорайона, пока удачно, не попадаясь никому на глаза, обходя группы «пьяных» зомби. Стоят себе, покачиваются, нервируют меня. Но больше всего нервировало не это, а то, что там, куда я направляюсь, недалеко есть довольно приличных размеров пустырь, на котором собачники своих четвероногих друзей обычно выгуливают. И теперь эти друзья, сбиваясь в стаи, своих хозяев и их соседей ловко так на запчасти разбирают. Представляю, что там делается...

Одно радовало, что до родителей Жерцева Вовки и Акелина Серёги не так далеко идти осталось. Они возле седьмой школы в одном доме живут. И, похоже, самый трудный участок я сейчас... Рывком преодолел открытый участок и нырнул в то ли кусты, то ли такие большие цветы, что вдоль дома росли. Упал за ними и сразу же принялся сквозь заросли

ближайшую группу зомбаков выглядеть.

Чёрт! Заметили всё же.

Несколько мертвяков, хоть я уже прилично так сомневаюсь, что они действительно мёртвые. Урчат достаточно громко, значит лёгкие работают. Кровь из них так и хлещет – когда собаки толстушку рвали, та ею буквально фонтанировала. Значит, сердце бьётся, и они вполне живые, только... только зомби. Некоторые из них меня всё же заметили и, отделившись от покачивающейся на своей волне толпы, неуверенно направились в мою сторону. Пройдут несколько шагов и стоят, головой вертят, потом ещё несколько шагов вперёд делают и снова осматриваются.

Я не стал ждать, пока они так дошагают и окончательно попалят меня, и на четвереньках, прикрываясь кусто-цветами, рванул дальше вдоль дома в нужную мне сторону.

Далеко не убежал.

– Фак! – через пять метров, чуть ли не нос к носу, я столкнулся со стоявшей в зарослях собакой.

Рука быстро метнулась к топорiku, но уже когда вытащил его из чехла, перестал на эту псину внимание обращать, хотя та и зомбьячка.

А всё потому, что она в наморднике, и именно поэтому вообще никакая была. Хотя поначалу, когда сам на четвереньках стоял, увидел, как глаза у неё при виде меня обрадованно расширились и она заурчала-зарычала вроде как грозно, да и сама вид внушительный имела. Но когда она неуверен-

но пошкандыбала в мою сторону, путаясь в четырёх ногах, страх тут же испарился.

Но главное эта тварь облезлая всё же сделала – привлекла внимание до этого момента неуверенно двигавшихся сюда зомби. Теперь-то они, услышав эту псину, а потом и увидев меня выпрямившегося, разом заурчали и уже решительно направились на зов своей четвероногой подруги. Которая, тыкаясь своей мордой, пыталась задержать меня, когда я выбивал топором стекло в окне.

– Да отвали ты! – буцкнул я от души собаку. А то та вспомнила, что у неё не только зубы, но и лапы есть. Ими и попыталась мою ногу обхватить, но после удара грохнулась на спину. А я подпрыгнул...

Дёма и стены помогают! Так вроде говорят? Так вот, правильно говорят! Дёма мне они действительно помогали.

Здесь нет.

Закинув ногу на раму выбитого окна, я, замерев, смотрел в безразлично-жуткие глаза старушки, которая всё же допилила своего деда. Мозг, во всяком случае, в прямом смысле этого слова, она ему выела. А теперь вот смотрела на его более молодую замену, к ней заявившуюся, и начинала пока ещё неуверенно, но явно обрадованно урчать.

Повезло, что топор я так в руке и держал, а то уж больно шустрая старушенция оказалась, охочая до молодого мяса. Не успел я забраться в квартиру, подгоняемый урчанием приближающихся снаружи зомбаков, которые и друзей за

собой позвали, как старая, очень уж широко улыбаясь, хватаясь на удивление не вставной челюстью, а (может наращенные?) пусть и с прорехами, но своими зубами, кинулась мне навстречу, вытянув перед собой скрюченные пальцы...

– Ведьма старая, – опустил я ей на голову «Баска», так вроде мой топор называется. – Напугала, тварь!

Старуха как бежала, так вперёд лицом, с торчащим в голове топором, и упала. Еле успел отскочить, снеся попутно стоявший у окна стол, чтобы она на меня не прилегла.

Восстановил дыхание и, поборов тошноту, выглянул в окно, где длинная очередь мужиков и женщин, старых и молодых, ковыляя друг за другом, двигалась на зов продолжающей урчать под окном собаки. Показал им всем средний палец и, скривившись от омерзения, выдернул топор из головы окончательно отошедшей старушки, которую уже перестали бить конвульсии. После чего, аккуратно ступая, чтобы не наступать на останки деда, направился на выход, сначала из комнаты. По пути тщательно вытер топор о штору и, продолжая держать его в руках, потопал теперь уже на выход из квартиры.

Глянул в шикарнейший, с хорошим обзором глазок, видимо служивший ранее досугом для старухи. Иначе какого здесь, возле тумбочки, кресло стояло? Убедился, что с той стороны двери никого нет, и выскочил из квартиры.

– Да вы издеваетесь? – на третьем этаже я нарвался на надкусанную, но вполне себе бодрую женщину. Которая тут

же захотела сделать со мной то, что с ней не доделали.

Не стал связываться, а обошёл её через перила, как в своём подъезде со «Светкой» делал, и рванул дальше наверх. Ещё три раза пришлось так зомбаков обходить, подъезд оживлённый оказался.

Ну и самая засада, люк на крышу на замке оказался. Хорошо хоть простеньком, который чуть ли не пальцем открыть можно. Когда на это есть время и до тебя не пытаются дотянуться обитатели этого подъезда, желающие отведать твоего юного мяса.

Так что, хоть замок и простой, пришлось четыре раза приложиться по нему «Баском», с каждым разом всё сильнее и более нервно, пока он не слетел на голову где-то забывшему штаны мужику. Тот, падла, оказался достаточно высоким, чтобы мне, сидящему на железной лестнице, несколько раз проехать кончиками пальцев по ботинкам, чем не на шутку напугал.

Как на крыше оказался, толком уже не помню. Осознал себя сидящим, опёршись спиной о надстройку с выскакивающим из груди сердцем и гудящей колоколом головой.

– Вырвался, – выдохнул облегчённо, как только начал успокаиваться.

Глотнул воды и вспомнил, что совсем недавно есть хотелось. Но сначала собаки аппетит отбили, а потом бешеная старушка и негостеприимные жильцы этого подъезда тоже хлеб-соль предложить гостю забыли.

«Нужно было, наверное, через дверь заходить, а не в окно лезть» – кривовато усмехнулся я, уже почти совсем успокоившись.

Успокоился и решил, что лучшего момента, чтоб перекусить, сегодня может и не быть. Кто знает, что там дальше будет?

Так что чёрт с ним, с НЗ, еды ещё раздобуду.

Скинул с плеч рюкзак, достал из него одну из двух банок тушёнки, вскрыл её «Барсиком» и принялся без особого аппетита есть со вчерашним хлебом.

«Чёрт! Лучше бы в школу пошёл» – я вспомнил, что завтра первое сентября, и с каким нежеланием я туда собирался.

Мне казалось, что побывав на войне, пусть и всего два с половиной месяца, я теперь совсем взрослый стал. Я и раньше на одноклассников слегка с недоумением смотрел, давало о себе знать постоянное общение со старшими ребятами. Мои друзья на два и три года меня старше, одни в армии сейчас, другие в институте. Так что одноклассники, с их, казалось, примитивными и ни о чём разговорами, совсем меня не интересовали. Ну, кроме нескольких, как тот же Андрюха Вавилов, приятелей. И вот, после этого бурного лета, после насыщенной адреналином жизни, тупо сидеть на уроках – это вообще жуть и пытка.

Так мне казалось.

Но сейчас, хлебнув за это утро адреналина столько, что он уже чуть ли не из ушей льётся, хотелось, чтобы всего этого

не было. Всю жизнь за плечом брат стоял, а рядом с ним его друзья. Настоящие друзья, которые, что бы ни случилось, всегда рядом и поддержат.

Но вот сейчас я этой поддержки не ощущаю. Перестал её ощущать, как только тётку, обращённую в зомби, увидел. Словно кусок души вырвали.

– Братан, мне тебя не хватает, – я окончательно понял, почему чувствую себя таким неуверенным.

Хоть и уверен был, что брат с друзьями сто процентов выжили и скоро должны вернуться, но в данный момент я ощущал себя полностью одиноким в этом долбаном зомбо-мире.

Пусть поначалу и через силу, да под невесёлые мысли, но банку тушёнки целиком прикончил, чему сам удивился. Вынырнул из мыслей, когда хлебом остатки жира подбирал.

Отставил в сторону пустую банку, запил всё это дело водой и, вытерев платком руки, только сейчас поинтересовался временем.

– Чёрт, – часы показывали без семи два. – Время летит, а ещё столько сделать надо.

Хоть и осоловел слегка после еды, но расслаживаться не стал. И так не успеваю.

Закинул рюкзак за плечи и, держась середины крыши, чтоб лишний раз не мелькать и не привлекать к себе внимания, направился на другую сторону этого четырёхподъездного дома. Там нагнувшись пониже, подполз к краю и...

«Чёрт! Ну покажитесь же хоть кто-нибудь» – я сидел за

парапетом крыши и наблюдал за перпендикулярно стоявшим двухподъездным домом.

В этом доме, правда в разных подъездах, живут родители Акелина Серёги на четвёртом и Жерцева Вовки на шестом этаже. И окна их квартир отсюда хорошо просматриваются. Только толку от этого... Никакого шевеления я не наблюдал. На некоторых балконах движение было, уже приевшееся пьяное покачивание. А вот не заразившихся вообще не видать!

Ладно, самим страшно в окнах маячить и за страстями снаружи наблюдать...

Я кинул взгляд вправо, в сторону школы.

Там, действительно, страсти. Толпа собралась раз в пять больше, чем возле магазинов у дороги, и здесь эта толпа более агрессивная. Отсюда сверху хорошо сейчас видно... Если раньше, ещё дома наблюдал, что кто не жрёт, те вокруг стоят и тупо смотрят на это дело, своей очереди ждут, то сейчас вокруг журунов пустота. Опасаться стали простые зомбаки своих более отожравшихся товарищей и четвероногих друзей.

Да, собаки тут тоже были. Как и думал, с пустыря их много по району разбежалось. Вот и здесь, из десяти свободных от толпы островков с жрущими зомбаками, на трёх из них собаки кого-то терзали.

И это проблема.

Они жрут и развиваются. Сам видел, как один зомбак да-

же на рывок пошёл, умудрился с разбега покачивающегося парня, как бы не моих годов, с ног сбить, и навалившись сверху... Неприятное зрелище. Так что тянуть с отходом из города нельзя, фиг потом от этих журунов убежишь.

Поэтому я и не стал больше оттягивать свой визит в гости. Хоть и наблюдая пустые окна и балконы, я уже не ждал там обнаружить ничего хорошего. Но проверять надо, чтоб потом парням не стыдно было в глаза смотреть. А то вдруг живые, а я не помог...

Но блин, если живые и здоровые есть, то могли бы вывести хоть какой-нибудь знак.

Я снова осмотрел нужные окна и балконы. Но там как не было никого и ничего, так и не появилось.

С подъездом приятно повезло – пустой оказался. Все, наверное, к школе оттянулись и сейчас там тусуются. Во дворе тоже никого не оказалось, с другой стороны дома, на дороге, стояли-покачивались, а тут опять повезло.

Выглянул из-за угла и практически сразу же рывком сначала до кустов, пригибаясь, добежал, что вокруг мусорных баков росли. А потом, видя, что меня не заметили, очередным рывком до нужного дома проскочил, и уже не оглядываясь, по ступенькам взлетел вверх, ногой отодвинул в сторону держащий открытой дверь кирпич, заскочил в подъезд и с облегчённым вздохом закрыл её за собой.

В подъезде, чего боялся, тоже никого не встретил. А вот дальше везение закончилось. Ещё поднимаясь на нужный

этаж, я чувствовал запах бойни, и как назло, дверь в квартиру Акелиных оказалась приоткрыта и именно оттуда этими ароматами и тянуло.

До последнего надеялся, что если не живых, то хоть и трупы не увижу. Тогда можно было бы ещё надеяться на лучшее. Но тут...

Вздыхнул-выдохнул, настраиваясь, и крепко сжимая топорик, шагнул в квартиру. Проверять нужно до конца, чтоб точно знать, что все мертвы.

Мертвы!

Не мог оторвать взгляда от прилично объеденных тел дядьки Васьки, высокого громогласного весельчака, и тёти Иры, ненамного уступающей в росте мужу, добродушной и довольно красивой женщины. Как с братом приходили сюда, так она всегда ужасалась моей худобе и пыталась под смешки мужа накормить деточку.

Мертвы... Что?!

Я вытаращил глаза на пошевелившуюся тётю Иру, которая повернула голову и, уставившись на меня единственным уцелевшим глазом, заурчала... как мне показалось – жалобно.

Тут-то это и случилось.

Откуда он взялся – не знаю!

Уже в последний момент я увидел мелькнувшую сбоку тень и, защищаясь от неё, выставил перед собой руку. Которую тут же пронзило просто невероятной болью.

Глава 3

Помимо боли обдало вонью, которая не шла ни в какое сравнение с той, что была в квартире.

Зомбак просто невероятно смердел!

И эта туша, мало того что вцепилась зубами мне в предплечье, так ещё и навалилась всем телом, пытаюсь уронить меня на пол. Что, впрочем, ему удалось, но только я сам позволил ему это сделать.

Боль и вонь! Второе вытеснило собой первое. И пусть в глазах всё ещё было темно от боли, вонью мне мозги качественно прочистило. Так что, падая, я оказался сверху на этом долбаном упыре, держа его второй рукой за волосы – чтоб головой поменьше дёргал и кусок мяса из предплечья у меня не вырвал.

А он стремился это сделать. Но ещё больше стремился не пролить ни капли моей крови мимо своего, издававшего мерзкие сосущие звуки, рта. Поэтому и назвал его упырём, что эта лежащая подо мной тварь сжимает челюсти всё сильней и сильней, и сосёт, сосёт...

– Падла! Как больно! – скрежетнул я зубами.

Очень обидно было, что топор из рук от неожиданности выронил, уже бы с этим зомби разобрался. Сейчас же с трудом заставил себя отпустить его волосы, оставив свою вторую руку ему на растерзание, и потянулся к ножу.

«Ка-Ваг» ещё девственник, ничьей крови до этого дня не отведал, а он этого очень и очень желал. Иначе как так получилось, что стоило мне руку к нему протянуть, как он сам буквально в ладонь мне впрыгнул и тут же, радостно урча, под челюсть упырю с большим удовольствием влетел.

Радостно урчал зомбак, пока нож окончательно не отправил его туда, где ему и место. Но честное слово, наверное от боли померещилось мне, что это именно «Ка-Ваг» приход словил, когда начал наконец делать то, ради чего и был создан.

Мучения мои на этом не закончились. Упырь умер, но у этой твари челюсти заклинило, перед смертью сжав их ещё сильнее, чем меня чуть в nirvanу не отправил. Ведь там нет этой невероятной боли и не дающей отключиться вони. Там, если верить одной моей знакомой – хорошо, отсутствуют страдания и низменные человеческие страсти (и совсем они не низменные, я тогда к ней со всей душой...), а присутствует лишь абсолютный, ненарушимый Покой.

– Я ещё пострадаю! – прошипел я сквозь зубы.

Аккуратно, чтоб не шевелить башку зомбака и не доставлять себе ещё больших страданий, я выдернул нож и принялся работать хирургом-маньяком. Челюсти ему надрезать, чтобы наконец освободить своё многострадальное предплечье.

– Фух! – выдохнул я облегчённо, когда его челюсть, безвольно повиснув, всё же отпустила меня.

– Урлр! – согласилась со мной тётя Ира.

Я думал, прошли часы в борьбе с...

– Димка, сучёнок... – я увидел, наконец, кто меня укусил.

Как оказалось, всё довольно быстро произошло, и зомби с погрызенными до кости ногами, многими укусами по телу и сильно обгрызенным с одной стороны лицом, что когда-то был тётей Ирой, только на четвереньки приподнялся и, не сводя с меня своего одноглазого взгляда, предвкушающе урчит.

Предвкушающе урчал, трудно это делать с «Баском» в голове.

Как тётя Ира он уже мной совсем не воспринимался. Да я вообще с этого момента я окончательно излечился от зомбилюбия. И пусть ещё недавно я мысленно терзался из-за того, что убил Светку, сейчас, случись нам снова встретиться, совесть уже бы точно не мучила. Да я даже свою родную тётку тоже наверное бы упокоил. Да точно бы упокоил! Как представлю, что брат домой вернётся и она вот так же на него нападёт и заразит. Как сделала эта гнида!

Хоть я и понимал, что сам виноват, ведь если тела дядьки Васьки и тётки Иры кто-то обгрыз, то этот кто-то вполне может тут же находиться. Но меня сначала открытая дверь с толку сбילה, думал, зомбак уже свалил отсюда, а потом вид близких нам с братом людей шокировал. Вот я и остолбенел, увидев их, потеряв всякую осторожность и не став осматриваться по сторонам. За что и поплатился. А теперь, выплёс-

кивая из себя страх и боль...

– Гнида! Гнида! Гнида! – я, что было сил, пинал ногами мёртвое тело укусившего меня упыря, оказавшегося младшим братом Вовки. – Жирдяй поганый!

С детства говнистым был, постоянно ревновал меня к своему старшему брату, что я, мол, слишком много времени, по его мнению, в их компании проводил. Но сам, чмо трусливое (и как такое могло уродиться в их семье, до сих пор не понимаю), прикрываясь именем брата дерзил, хамил и... всё. Границу он обычно старался не переходить, но если всё же нарывался и выхватывал, то сдачи никогда дать не мог, тряпка. Его и не трогали на районе только из-за того, чтоб не вонял, и из-за уважения к старшему брату. И только когда он уже совсем страх терял, тогда на место ставили.

Одного не пойму, какого он дома находится? По идее в институт должен был уже уехать, где он на последнем курсе учился. Но почему-то не уехал и...

– Даже сдохнув, умудрился напакостить, – выдохнул я, отведя душу.

После чего посмотрел на всё это время прижатую к груди руку.

«Кровь прилично льётся, может повезёт, и заразу вымоет?» – мелькнула где-то далеко, на краю сознания, крохотная надежда. Хотя умом понимал, что не повезёт. Укус, по закону подлости, сто процентов заразен.

Но всё равно, сидеть и водку жрать, как Николай Олего-

вич, я не собирался. Помогает она или нет, это ещё вилами по воде писано, а у меня ещё дел много. Брат учил никогда не сдаваться и всегда до конца доводить начатые дела, вот я и не собираюсь отказываться от того, что для себя наметил. Что бы ни случилось, не собираюсь!

Но пока из города нужно уходить! Чтобы фотографии в схрон отнести и вооружиться. А потом уже можно возвращаться и продолжать искать уцелевших.

– Сразу нужно было так делать, идиот! – признал я, наконец, свою ошибку.

Плохо только, что понял я это поздно. Как и понял сейчас, что безоружным, даже если бы кого живым и нашёл, то из города вывести не смог бы. Особенно если это кто-то из женщин будет. Всё же не молодые они уже, на карачках лазить и бегать от зомбаков.

Но прежде чем уходить, нужно с раной разобраться – хватит ей уже кровью промываться, пора её и чем-то существенным обработать. И с вещами тоже нужно что-то делать, прекрасно помню, как Николай Олегович говорил, что Андрей, учуяв кровь, прилично так возбудился. Как и Димон Жирный (надеюсь черти ему жирок на том свете подтопят), тоже кровушку с большим удовольствием из меня высасывал.

Даже передёрнуло всего, как припомнил издаваемые им звуки.

Так что прежде чем уходить, нужно позаботиться о том, чтоб на меня, вернее, на запах крови, весь город не навёлся.

Рана на руке выглядела страшно! Оценил, когда с матами-перематами куртку с себя стянул. Порвал Жирдяй меня прилично, может и не до кости, но близко. И самое плохое, что шевелить рукой очень и очень больно. Да и вообще, рану зашить бы не помешало, но сейчас некому это сделать. А я не Рэмбо, чтоб простой иглой и швейными нитками самому себя зашивать, как и... Даже передёрнуло от мысли, чтоб как в фильмах про зомби руку себе отрубить. Да и поздно уже рубить. Пока возился с ним, зараза уже далеко пошла, если, конечно, с текущей кровью не вышла.

Нашёл на кухне две баклажки шестилитровые с водой, то ли дядька Васька с утра пораньше принёс, то ли даже не знаю, откуда они взялись там. Но оно и не важно, главное мнегодились. В ванной тазик взял и в нём руку омыл, после чего на укус сначала серебросодержащую повязку с антибактериальными свойствами из полиамидной сетки наложил, а потом уже сверху в два слоя ватно-марлевую из ИПП-1², и бинтом всё это дело плотно перебинтовал.

Поменял воду в тазике и, стараясь не намочить повязку, тщательно обмылся, изведя на это дело последние капли воды из баклажек. А то, свалившись сверху на упыря, перемазался в... даже думать не хочу, в чём. И так пришлось всю одежду, новую почти, выкидывать. Достал из рюкзака свои старые камуфляжные штаны и футболку, с куртки ножом срезал нашивку со своим позывным – потом найду на

² Индивидуальный перевязочный пакет.

что пришить. Да почти сразу и нашёл, в шкафу Вовкина чёрная куртка с капюшоном висела. И пусть она мне великовата слегка, для текущей ситуации сойдёт.

Накинул рюкзак, с громким вздохом посмотрел на останки когда-то близких мне людей, и в очередной раз направился на крышу. Пока здесь, нужно ещё к Акелиным наведаться, но только если в подъезде у них никто не ошивается. Попрыгать через перила при большой нужде может и смогу, но лучше не надо. С оружием потом вернусь, подъезд зачищу, да и проверю дядьку Лёшку с тётёй Викой.

Соседний подъезд, как и у Жерцевых, тоже оказался пустым, только вот возле нужной квартиры я обнаружил убитого, subtilной внешности мужика от души стукнутого об бетонную ступеньку. Кровью тут всю площадку залил. А в квартире...

В квартире обнаружил обратившегося в зомби дядьку Лёшку. Увидев меня, он неистово заурчал... но это и всё что ему оставалось делать, так как сидел он в кресле, плотно привязанный к нему бельевой верёвкой. Рядом, в соседнем кресле, сидела мёртвая... совсем мёртвая, тётя Вика. Видимо сначала мужа привязала, а потом, видя, что он зомби стал, наглotalась таблеток... – я кинул взгляд на стоящий между ними столик, на котором лежала горка разных пустых блистеров из-под таблеток.

Она, во всяком случае, не мучилась, тихо, мирно отошла. Лицо совсем спокойное, такое ощущение будто прикорнула

ненадолго.

Уходил оттуда вообще в подавленном состоянии, гадая сколько у меня ещё времени есть, прежде чем и сам заурчу.

Руки у дядьки Лёшки были в бинтах. Видимо тот мужичок его покусал, пока он его не утихомирил. А потом, видя, что на улице делается, дядька и велел, скорее всего, его привязать. На всякий случай. И когда этот случай наступил, тётя Вика таблеток и наглotalась.

Немного не успел. Она хоть уже и не тёплая была, но и не окоченела ещё толком.

Так я их и оставил, рядом сидящими.

Вытер злые слёзы и направился на выход из города. Может, сегодня ещё успею вернуться, хотя время, такое ощущение, не идёт, а летит.

* * *

Время не просто летит, оно стремительно летит! Кажется, только недавно тётка разбудила, но вот уже часовая стрелка на часах к семи приближается, дело к вечеру идёт.

Из города я всё же выбрался, но вот вернуться до темноты уже точно не успеваю. В ночное же время туда соваться – это стопроцентное самоубийство. Зомби, падлы, за любым углом могут тупо стоять, в стену пялиться, пока не увидят добычу и «Хватай её!» не проурчат. Тогда уже со всех сторон ковыляющая толпа появляется, некоторые даже не ковыля-

ющие, а уже довольно быстро на короткие дистанции бегающие. И начинается загонная охота... еле вырвался из такой совсем недавно.

Но это ладно, к такому я был готов, другое беспокоит. С рукой проблемы. Хоть и берегу её, держу на поддерживающей повязке, но зомбо-Димка заразу всё же мне занёс. Пульсация в месте укуса всё нарастает и уже начинает потихоньку в голову отдавать. Да ещё и жажда, пусть пока не очень сильная, но всё же воды пью много больше, чем мне обычно требуется. И всё это, насколько я знаю, верный симптом интоксикации и занесённой в организм инфекции. Так что даже та маленькая надежда, что ещё недавно на горизонте летала, помахала мне белым тапочком и скрылась без следа. Белые тапочки, впрочем, с собой прихватив, так как не лежать мне в них в гробу, а бродить по городу с толпой подобных.

«Это мы ещё посмотрим! – рыкнул я сам на себя мысленно. – Совсем, тряпка, расклеился! Дел много, вот как завершу, тогда и можно будет жалеть себя начинать. Да и потом бродить не буду, как окончательно припрёт, так привяжусь к чему-нибудь, и когда зомби стану, никому проблем не доставлю, буду только рычать на мимо проходящих».

М-да! Успокоить самого себя не получилось, но расклеиваться действительно не время... упал там, где только шёл.

Прежде чем из города в пригород вырваться, от зомби драпал. И пусть и понервничал немного, но убежал всё же легко. Меня больше пригород волновал, с его домами част-

ного сектора. Там в ближайший подъезд не забежишь и на крыше от зомбаков не скроешься. Но всё, на удивление, нормально прошло. Во дворах зомби копошились, видел их за высокими и не очень заборами. Но именно что во дворах, по улицам они почти и не шлялись. Так что я бегом по дороге, можно сказать что играючи, частный сектор миновал и уже за городом в поля свернул. Мне прямо на восток двигаться нужно было, с дорогой не по пути.

Так вот, за всё это время я нормальных людей больше не видел, одни упыри кругом. И вот сейчас, лёжа в траве, наблюдал, как вдали толпа человек в десять в сторону города бежит.

«Плохо, бинокля нет, не видно кто это такие, – я всматривался изо всех сил, пытаюсь рассмотреть хоть какие-нибудь детали, но всё зря. Только силуэты... если не ошибаюсь, голых людей?!. Несколько человек с Витькá-морячка габаритами, а то и покрупнее его, остальные хоть и меньше размерами, но тоже очень хорошо физически подготовленные, так как скорость с которой они все бежали, поражала. – Что за марафонцы? Что за голый забег во время зомбиапокалипсиса?»

Проводил их взглядом и только когда они за лесопосадкой скрылись, поднялся и пошёл дальше по своему маршруту. Но хоть теперь мысли не об укусе в голове бродили, а...

Что это я сейчас такое видел? Что за психи?

Вскакивать и, махая руками, тормозить их, мне даже в го-

лову не пришло. Они с такой целеустремлённостью двигались, что явно знали, куда и зачем направляются. Да и вообще, как мне всю жизнь брат вдалбливал – «Есть свои, и есть все остальные!»»

Своих у нас не так много было, а на всех остальных плевать.

«Каждый человек – кузнец своего счастья! И кто мы такие, чтобы мешать им это своё счастье строить таким, как они его видят?» – это опять братан мне втолковывал, когда я не понимал, как это пацаны в школе, да и не только в школе, вместо того чтобы собой заниматься, как я занимаюсь, дурака валяют, а потом всяким уродам сдачи дать не могут.

«Это их личное дело! И когда тебе говорят, что они слабые, и ты, как более сильный, должен их защищать... плюнь этому человеку в морду. Защищать можно и нужно только старых и женщин! И то не всех и не всегда, в семейные разборки лучше не вступать. А так, пацан, нормальный пацан, должен всегда свои проблемы решать сам. Ну, или с помощью своих друзей, если сам не справляется».

Сначала я брата слушал, а потом и сам так думать начал, наблюдая как люди наплевательски относятся к своей жизни и к своему здоровью, но при этом не перестают кричать, что им все должны и обязаны. С тех пор я, как и брат, разделил людей – на своих, приятелей и всех остальных.

И, как и говорил, своих у нас не так много было. Очень трудно мы людей к себе подпускали, чтоб они своими стано-

вились. Всё дело в том, что родителей с сестрёнкой именно «свой», кому они полностью доверяли, и убил.

Всё это мне брат и рассказал, когда с этим местом знакомил.

Расположенный в семи километрах от города, в стороне от посёлков и оживлённых дорог, неприметный, густо заросший овраг и был моей целью.

Вернее то, что в этом овраге находилось.

Здесь, ещё в детстве, брат в стене оврага нашёл старую заброшенную землянку. Видимо во время войны партизаны, или при приближении фашистов – для партизан, её выкопали. И она на удивление хорошо сохранилась до наших дней. Обшитые дубом стены и потолок от времени потемнели, но не рассохлись и не сгнили.

Я спустился на дно оврага и, стараясь не ломать ветки, держась рядом с бегущим мне навстречу ручейком, углубился в заросли. До самого родника идти было не нужно, свернул раньше к восточной, вечно тёмной его стороне с крутыми склонами. Когда до нужного места оставалось метров десять, снял с себя рюкзак, держа его в руке, пригнулся чуть ли не до земли и, оберегая укушенную руку, «гусиным» шагом начал пробираться сквозь особенно густые кусты к замаскированному люку.

Вот и он.

Я выбрался из кустов на свободный от них пяточок. Уронил под ноги рюкзак и аккуратно нащупал ручку, с усилием

провернул её по часовой стрелке и дёрнул на себя обшитый корнями и прошлогодней травой люк. Его, кстати, уже брат сделал. Старый хоть и не рассыпался, но доверия уже не вызывал, пришлось менять.

Достал из рюкзака налобный фонарь, включил его, и всё так же пригибаясь, шагнул в короткий, два метра всего, коридор, за которым была небольшая прихожая – на полтора метра от входа в стороны расходилась и на такое же расстояние в ширину. Ну и здесь, хоть потолок и очень близко к макушке находился, пригибаться уже не приходилось. Открыл уже не люк, а полноценную дверь и вошёл в основное помещение землянки.

По центру стоят стол и лавки с двух сторон от него, за лавками столбы, поддерживающие потолок. Поэтому его, наверное, ещё и не продавало. Справа и слева у стен стоят сбитые из досок нары, шириной как полуторные кровати. Только слева три штуки таких, в два яруса и во всю шестиметровую длину помещения тянутся, а справа всего одна такая двухъярусная кровать, за ней шкаф с посудой и дальше, в углу, печь-буржуйка, кирпичом обложенная находится. Возле неё, у дальней стены, ещё один, только уже небольшой, столик для готовки, с полками над и под ним.

И это ещё не всё. Есть ещё два небольших помещения, чуть побольше прихожей. Но до них я ещё доберусь.

Сейчас же я вошёл внутрь, подсвечивая себе дорогу фонарём, присел на лавку, кинув рюкзак на стол...

– Добрался всё же, – вздохнул с облегчением.

Но сразу же, пересиливая себя, поднялся – не время ещё расслабляться. Достал из-под нар справа канистру, с полки снял поллитровую алюминиевую кружку и потопал на выход. Нужно воды принести, чтобы потом ночью не бродить.

Небольшой родничок находился почти в самом конце оврага. Люди его не оприходовали только потому, что в двух километрах отсюда есть ещё один – недалеко от шоссеиной дороги и с хорошим подъездом к нему. Вот тот облагороженный, камнями там всё вокруг выложено, и глубина у него приличная. Черпай – не хочу.

Здесь же, мало того что по зарослям, так ещё и глубина у родничка небольшая, пришлось кружкой аккуратно черпать и канистру наполнять. И то иногда муть поднимал.

Сделал три ходки.

Помимо канистры наполнил ещё два ведра в землянке – хотел ещё раз обмыться, а то такое ощущение будто и не купался у Жерцевых после встречи с Димкой, всю дорогу, пока сюда добирался, его вонь преследовала.

После последней ходки к роднику тщательно закрыл за собой люк, убедившись предварительно, что маскировка не нарушена. До утра я уже не собираюсь наружу выбираться. Если конечно совсем не поплохеет, но тогда...

Тряхнул головой, отбрасывая в сторону эти пораженческие мысли, глотнул родниковой воды и принялся обустриваться. Распотрошил рюкзак, скинул с себя всё лишнее и

первым делом освещение нормальное сделал. Прикрепил к потолку над столом светильники, включил один из них на полный свет...

«Экономить всё равно уже не нужно...» – в очередной раз мелькнула предательская мыслишка, которую я тут же силой воли задавил.

Запретил себе даже думать о плохом, хоть и трудно было это сделать. Оказавшись в безопасности, эти подлые мысли так и долбили в голову, в унисон с пульсирующей болью в руке, испытывая на крепость силу духа.

Управившись с фонарями, я сразу же застелил участок стола клеёнкой, чтоб его не пачкать. Взял фотографии – очередное испытание для силы духа: чтоб не начать их смотреть и окончательно не расклеиться, пришлось немало сил приложить. Поэтому и поспешил убрать их с глаз долой.

В противоположной от входной двери стене, сбоку от столика, возле крайних нар, находилась ещё одна дверь. Толкнул её от себя и вошёл в очередной двухметровый коридор, в конце которого, прямо и вбок, было ещё два помещения. Они использовались как кладовка и арсенал.

Вот в арсенал я и свернул.

Брат, когда показал мне это место, рассказал заодно и кто родителей убил. Год он, пятнадцатилетний пацан, пытался об этом узнать. Узнал. Алмазов, сука. Мы думали, он с нами приличными деньгами за отцову фирму расплатился, а он копейки нам бросил. Там, батя, как раз перед смертью, кон-

тракт на несколько миллионов вечнозелёных, будь они прокляты, долларов заключил, вот Артурчика жадность и обуяла. Родителей устранил, выкупил через подставных лиц у нас фирму и... сдох, вместе со всей семьёй, через полтора года.

«Нет у нас, Ванька, больше должников кровных» – прозвучал в моей голове голос брата при виде содержимого арсенала.

Не только привезённое из Прибалтики оружие здесь хранилось, но и... Любил Алмазов пистолеты. Даже больше скажу – фанател от них. Вот брат, когда с ним разобрался, не золото с деньгами, из-за которых родителей и убили, а эти самые пистолеты, его «Чёртову дюжину», и забрал.

«А деньги, брат, деньги я побрезговал у него брать».

И я с ним был полностью согласен. Нафиг те деньги! Тем более мы в них нужды особой никогда и не испытывали. А сейчас они и вообще никому не нужны: от зомбаков деньгами не откупишься и еды у них за них не купишь. Зато с оружием с ними можно будет потягаться, только вот поздно я это понял.

В очередной раз потрянул головой, отгоняя ненужные мысли, я не стал открывать ящики с «Чёртовой дюжиной», они мне сейчас не нужны, а подошёл к другим. Сначала открыл пустой, из-под патронных цинков, в него фотографии и положил. Брат, когда вернётся, найдёт их здесь. После чего уже к другому ящику подступился, с трудом одной рукой открыл тугие защёлки и откинул крышку. Здесь, завёрнутые в инги-

битированную антикоррозийную бумагу, лежали автоматы, которые брат из Прибалтики и привёз. Есть ещё две снайперские винтовки, пистолеты и шесть гранатомётов РШГ-1³, как и просто ручные гранаты, но они в других ящиках лежат.

Достал один БАЯД-400⁴ калибра 7.62 × 39. Брат рассказывал, что они в шоке были, когда перехватив развозной грузовик с «лесными», обнаружили, что он, помимо продуктов, ещё и оружием гружёный, в том числе и этими современными АЯДами и их бесшумными братьями – БАЯДами нашего производства, только-только начавшими поставляться на экспорт. А также не менее современными пистолетами ПЛ-15⁵ и тоже в двух вариантах – с глушителем и без.

Так что они тогда долго не раздумывали: «лесных» в расход, часть оружия прикарманили и сразу же домой вывезли, пока была такая возможность. Остальным сами вооружились, часть на всякий случай оставили, а остатками поделились с другими. Тем более, всё чаще и чаще постреливать начинали, и хорошо, что нашлось чем отвечать.

Пришлось несколько ходок делать, прежде чем всё нужное перенёс. Сначала БАЯД отнёс и на застеленный клеёнкой стол его положил, после чего ПЛ-15 и загруженную магазинами брезентовую сумку. Потом ветошь, масло и инструменты для чистки. Последними патроны принёс, а также,

³ Реактивная штурмовая граната.

⁴ Бесшумный Автомат Ярослава Драгунова.

⁵ Пистолет Лебедева.

чуть подумав, изъясил из «Чёртовой дюжины» Ruger 22/45. Я из такого же, только спортивного, ещё сопливым пацаном учился стрелять. Вот и не удержался.

Даже не знаю, зачем Алмазов его в своей коллекции держал. Может из-за того, что он с глушителем? Скорее всего. Но сейчас, пусть 22 калибр и считается несерьёзным, но вот на близкой дистанции что из него, что из 9 × 19 мм «Парабеллум», зомбакам точно будет без разницы. Хоть всё же разница есть, оба пистолета конечно очень тихие, но Ruger не такой «грязный» будет. После него совсем небольшое отверстие в голове появится, а не разнесёт её на запчасти, пробивая насквозь.

Как всё перетасил, присел за стол и, глубоко вдохнув, втянул в себя до одури приятный запах. Вроде совсем недавно с такими же стволами бегал, только не бесшумными, а уже соскучился... до смерти!

«Не думать!» – в который уже раз одёрнул сам себя.

И «не думать» действительно получилось, если б рука ещё не болела, то вообще бы полная релаксация вышла. Руки сами делали привычную работу, мозг отключился, особенно уже в конце, когда размеренно – щёлк, щёлк, щёлк, – не спеша принялся автоматные и пистолетные магазины набивать.

Как с ними разобрался, накрутил глушители на всё своё оружие, после чего, поднявшись, отрегулировал по длине складной телескопический приклад с компенсатором отдачи и, вскинув автомат к плечу, принялся принаравливать, пе-

реводя его от одной цели к другой.

Идеальное оружие, да ещё и для меня, почти однорукого. Главное, прицелиться, и на спусковой крючок нажать, а дальше «ЯД», благодаря работе сбалансированной автоматики, свои смертоносные подарки сам в цель отправит. При стрельбе хоть одиночными, хоть очередью, его не подбрасывает, как большинство подобного оружия, а в плечо вдавливают. Точность стрельбы запредельная.

Как будто сама судьба, за то, что в детстве родителей лишила, всю жизнь меня подготавливала именно к сегодняшнему дню, а заодно и подарки подкидывала, чтоб было чем эти тяжёлые времена встречать. Только вот я вряд ли долго сумею этими подарками...

«Не думать!»

Отложил автомат в сторону, взялся за пистолеты, решая какой основным делать, а какой на крайний случай оставить. Решил Ruger 22/45 пока основным сделать, всё же он действительно не так грязно должен работать. А там посмотрим, если что, то недолго и поменять.

Разобравшись с оружием, навёл порядок на столе, после чего открыл заслонки на вентиляционных отверстиях, о которых чуть не забыл. Вентиляционные ходы, как и печная труба, куда-то далеко в сторону от землянки тянулись. Брат не рассказывал, куда именно, а я как-то не интересовался. Сначала не до того было, а потом уже просто неинтересно стало, проветривает помещение да и проветривает, и неваж-

но, откуда тот воздух поступает. Принялся воду греть на газовой плитке, которую мы сюда принесли, чтоб печку зря не топить. А так восьмилитровый газовый баллон заправил, и пользуйся себе на здоровье, когда нужно.

Сначала покупался в прихожей, а уже после по новой перевязал себе руку. На удивление не очень плохо выглядела, хоть и дёргает ещё. Что, впрочем, не успокаивало, так как самочувствие было поганым. Чтобы отвлечься, принялся ужин из имеющихся продуктов готовить, абы только чем-то заняться. Есть не хотелось совсем, но заставил себя. Нужно!

И уже когда совсем делать стало нечего, сходил в кладовку, достал из ящика шерстяное одеяло, вместо подушки рюкзак с разгрузкой внутри, пойдёт. Но прежде чем лечь, выключил свет и привязал себя за ногу к нарам. Если не повежёт и во сне зомбаком стану, то у входа никого встречать не буду. Не стану, как Димон, ни для кого неожиданностью.

Глава 4

– Живой! – произнёс я вслух, лишь бы только услышать свой голос и удостовериться, что действительно живой, когда в очередной раз проснулся в полной темноте землянки.

Повезло! Судя по времени, солнце уже встало, а я всё ещё являлся самим собой. Не зомбак. А раз так, то и нечего терять это самое, очень драгоценное для меня время. Отвязался от нар, через силу позавтракал остатками вчерашнего ужина и, экипировавшись по полной, отправился обратно в город.

Держа в руках автомат, я чувствовал себя более уверенным, чем вчера, но при этом и более разбитым. Самочувствие ещё больше ухудшилось, а жажда, жажда водой уже почти не утолялась. Хоть с утра свежей родниковой водой гидратор и наполнил, но чувствую, что его надолго не хватит.

Но то ладно, в городе, думаю, с ней проблем не должно быть. Если не в квартире у кого-нибудь, то в магазине в любом случае воды найду.

Оружие действительно неплохо так уверенности прибавило, особенно когда в пригороде нарвался на собаку. Очередную собаку, сколько их ещё по округе бегают, но хорошо хоть в этот раз одна была. Эта тварь увлечённо грызла уже кем-то прилично объеденное тело, только хруст стоял, кости в труху перемалывала. И так она этим делом занята была, что до

последнего меня не почувствовала, и я, с расстояния метров в семь, тщательно прицелился и... Ruger всё же будет моим основным оружием, ну, после БАЯДа. Тихий, еле-еле слышимый хлопок и обращённая собака свалилась дохлой тушей на только что терзаемый ею костяк.

На этом хорошие новости закончились.

Костяков со вчерашнего дня существенно прибавилось, возникло такое ощущение, будто твари безостановочно всю ночь пировали. И запах... Город полностью пропитался трупным запахом смерти.

В том числе и... Обошёл я всё же всех родственников наших с братом друзей, и кто бы знал, чего мне это стоило. Особенно когда мёртвых или не совсем мёртвых этих самых родственников встречал. Да и так много знакомых лиц увидел: окровавленные, или сами сожрали кого-то или их надкусили; обделавшиеся, стоят, покачиваясь или бредут в одном им известном направлении.

Жесть полнейшая!

«Будь проклят тот, кто это всё сотворил!» – скрипел я зубами.

Уже ближе к вечеру, совсем убитый после посещения Лёхиной жены, а там то же, что и у Светки произошло, та же трагедия. Людку не встретил, а вот ребёнка... Нет у Лехи больше ребёнка. Как и жены, впрочем, нет, только тварь с её лицом где-то по городу бродит.

Пришёл я в итоге к брату на квартиру, в ней сегодня за-

ночую, так как сил в землянку возвращаться совсем уже нет. Укус почти не беспокоит, пальцами уже вполне нормально шевелить можно. Болит терпимо, пульсация окончательно прошла... в укусе прошла. Зато всё тело теперь ужас как колбасит.

«Видно, недолго мне осталось», – отрешённо подумалось.

Но после сегодняшнего дня и всего того, что я увидел, мысли о собственной смерти уже как-то совсем не пугали. Я и так думал, что раньше окочурюсь, а нет, ещё сопротивляется организм. Хотя уже всё меньше и меньше.

Задёрнул шторы, чтоб отрешиться от внешнего мира, снова к кровати привязался, только предварительно две полуторалитровые бутылки, принесённые с собой, рядом на полу поставил. Во рту если ещё и не Сахара, то уже близко к ней засуха, а у брата в квартире как назло ни капли воды нет. Поэтому и озаботился в магазин по пути сюда зайти.

Накрылся с головой одеялом, а то что-то меня морозить стало, и довольно быстро даже не заснул, а в какое-то полубытьё впал. И впадал периодически, так как даже не знаю, сколько раз я просыпался ночью от кошмаров. Таких кошмаров, что от ужаса подрывался, хватал фонарь, что в изголовье у подушки лежал, в панике осматривался по сторонам... постепенно успокаивался, видя знакомые стены и что никого из приснившихся здесь нет. Жадно пил воду и снова отрубался, до следующего такого же подъёма. Но главное утром...

– Я всё ещё жив! – прохрипел я полностью пересохшим

горлом.

С трудом наклонился, свесил с кровати руку, а там – фи́га, воды нет, всю ночь выхлебал. И сил что-то у меня в теле не очень много ощущается, кошмары чуть ли не последние вытянули. Если б не нож, рядом на полу с остальным оружием лежавший, то даже не знаю, хватило бы мне сил развязаться.

В итоге напился из гидратора, когда до рюкзака добрался, там ещё половина ёмкости заполнена была. После чего долго сидел здесь же в спальне с тяжёлой от многочисленных и не совсем весёлых мыслей головой и пытался решить, что дальше делать. Но так и не решил, ясно только, что отсюда уходить нужно. В братовой квартире оставаться не хотелось. Вернее, не хотелось, чтобы когда он вернётся, застал меня здесь у себя зомбаком. Даже представлять не хочу, что брат почувствует, а уж когда будет вынужден ещё и убить меня, так вообще.

Оглянулся на пороге, окинул мутным взглядом пустую квартиру и...

– Прощай, братан! – выдавил из себя, после чего решительно закрыл за собой дверь.

Выйдя из подъезда на миг замер, просто не представляя куда направиться, ведь всё ранее запланированное ещё вчера выполнил, а новые цели просто ни к чему себе ставить. Чувствую, что сдохну скоро, так мне погано. Так что постоял немного, да и потопал куда глаза глядят.

Глядели они, как оказалось, на выход из города. В ка-

кой-то момент мне так паршиво стало, что я реально отключился от внешнего мира – не помню где бродил и как тут в итоге оказался. А оказался я в пригороде в частном секторе. И вот сейчас остановился, замерев, пытался понять как я здесь очутился и не послышалось ли мне то, из-за чего в сознание собственно и вернулся?

Не послышалось, снова за спиной голос прозвучал:

– Та він зовсім ніякий, хлопці!⁶

Медленно обернулся, придерживая правой рукой сбившийся мне под мышку автомат, и всеми силами стараюсь удержаться в сознании. Зрение, как и сознание, тоже плыло, и чтобы рассмотреть детали, нужно было приложить немалые усилия.

За спиной у меня, посреди дороги, стоял лысый, небольшого роста и какой-то весь круглый, но при этом крепко сбитый мужик лет тридцати-сорока. Он, похоже, и говорил, а с противоположных дворов из калиток ещё двое как раз выходили и насмешливо на меня смотрели.

Теперь ясно к кому он обращался.

Что удивило, так это их вооружение: двое, в том числе и лысый, в руках арбалеты держали. И только один из этой тройки, самый здоровый из них, был вооружён нормально, держал в руках, если не ошибаюсь, американский Barrett. Во всяком случае, по внешнему виду он похож на него был. Но какой именно – не знаю, не встречал ещё такого.

⁶ Да он совсем никакой, парни!

– Що очима блимаєш, москаль? – снова обратился ко мне лысый. – Давай, скидай з себе все! Навіщо тобі такі хороші речі, все одно здохнеш скоро, судячи з твого виду.⁷

– А якщо сам не помреш, то ми допоможемо, – заговорил второй арбалетчик. А подойдя ближе, рявкнул: – Не люблю вас, москалів!⁸

Смотрел на этих уродов и в душе разгоралась просто невероятная ненависть. Не только на этих тварей, что ухмыляясь на меня смотрят, но и на тех нелюдей, что вирус выпустили, из-за которого матери, не осознавая этого, едят своих детей; на зомби, заполнивших мой родной город; на Димку, паскуду, который меня заразил; на...

– Ну що ти дивишся? Що дивишся? Роздягайся давай! Тільки акуратно, без зайвих там смикань. А то...⁹ – не выдержал и третий, что до этого молча стоял, так же ухмыляясь, впрочем. Сейчас же, направив мне в живот ствол своей винтовки с массивным реактивным дульным тормозом, тоже решил меня поторопить. Спешат они, наверное, на тот свет.

Встречались мы в Прибалтике с бандеровцами, видели, что они творили. Достойные потомки своих предков. Так что зародившаяся где-то в груди ненависть теперь полностью ак-

⁷ Что глазами блымаешь, москаль? Давай, скидывай с себя всё! Зачем тебе такие хорошие вещи, всё равно сдохнешь скоро, судя по твоему виду.

⁸ А если сам не умрёшь, то мы поможем. Не люблю вас, москалей!

⁹ Ну что ты смотришь? Что смотришь? Раздевайся, давай! Только аккуратно, без лишних там дёрганий. А то...

центрировалась на этих тварях, и такое ощущение возникло, будто она, эта ненависть, достигнув какого-то внутреннего предела, взорвалась, разойдясь невидимой волной от меня во все стороны. И этот взрыв принёс мне просто невероятное облегчение: в голове стало как никогда ясно, с глаз смыло муть, засуха во рту и та отошла на второй план. Так легко в теле стало, как... как только перед самой смертью бывает.

Улыбнулся облегчённо и приготовился умирать, пришло моё время. Нацакам я сдаваться не собирался, пусть лучше они меня пристрелят. Но это уже не пугало. Совсем не пугало. Даже хорошо, что умру не в беспамятстве и меня не сожрут зомби, как и сам им не стану. Умру как воин, о которых немало прочитал в детстве, а потом некоторых и в жизни увидеть довелось. Умру так же, как и они, глядя в глаза своей смерти, но и...

«Но и вас с собой заберу... кого смогу!» – улыбка моя стала ещё шире.

Вздыхнул полной грудью ещё раз и уже готов был начинать, как... началось что-то непонятное.

– Ты чего либишься? – не понравилась моя улыбка лысому, отчего его собственная издевательская ухмылка, ещё недавно полная превосходства, сменилась сначала на обеспокоенное выражение, а потом его лицо вообще полыхнуло злобой, коей он и взорвался: – Ты чего либишься, падлюка? Та я тебе...¹⁰

¹⁰ Ты чего либишься? Ты чего либишься, падлюка? Да я тебя...

«Что он меня» – он так и не договорил. Качнулся в мою сторону, сделав один шаг вперёд, но тут же замер с открытым ртом. Зато лицо у него продолжало жить своей жизнью: злость сменилась на сильнейшее удивление, удивление переросло в испуг, а испуг уже перерос в полноценный ужас. И он, дрожащим голосом, прошептал:

– Хлопці, у мене дар пропав! Прискорення зовсім не відгукується!¹¹

Спустя мгновение и здоровяк с Barrett-ом отозвался, не менее испуганным голосом:

– Скрыт не працює!¹²

– Сенсоріка не працює!¹³ – одновременно с ним отозвался и второй арбалетчик, испуганно глядя на своих напарников.

И тут же лысый...

– Це ти, падлюко! Ти... Ти... – поперхнулся он воздухом, а потом чуть ли не по-девчачьи тонким голосом взвизгнул: – Гасник, хлопці! Це гасник! Стріляйте! Вбийте його! Вбийте...¹⁴ – продолжал он верещать, сам при этом пятясь назад, а потом и вовсе развернулся и задал стрелача.

Я сначала удивлённо наблюдал за их непонятными возгласами, пытаюсь понять, что именно они кричат на своей мо-

¹¹ Парни, у меня дар пропал! Ускорение совсем не отзывается!

¹² Скрыт не работает!

¹³ Сенсорика не работает!

¹⁴ Это ты, падлюка! Ты... Ты... Гаситель, парни! Это гаситель! Стреляйте! Убейте его! Убейте...

ве, но услышав «Вбейте!» – понял и начал действовать. Это слово не только для них, но и для меня послужило командой.

Так что я сразу же и начал её выполнять: подогнув ноги и роняя себя на спину, вскинул БАЯД-400 и полоснул по ним длинной, на весь магазин, очередь. Благо с предохранителя автомат был снят, а патрон в ствол ещё при выходе из квартиры был дослан.

– Да ну нах, – выдохнул я хрипло, как только боёк щёлкнул вхолостую.

На удивление у меня всё получилось, и я почему-то ещё был жив. Не знаю, что за «гасныка» они во мне увидели, но если бы не запаниковали, то я, как минимум, так же как и лысый, раненый бы валялся.

Живучая сволочь!

В спину на уровне поясницы ему прилично прилетело, но в отличие от своих напарников, лежащих неподвижно, этот подышать не спешил. Как бежал в ту сторону, так теперь и ползти пытается, абы только подальше от меня.

«Или от гасныка?» – снова мысли вернулись к этому непонятному слову.

Только кто бы мне ещё разъяснил, что это такое. Гаснык. Гаситель. За пожарного меня приняли что ли? Но это вряд ли. Они парни, конечно, суровые, другие так пить не умеют, но от них в панике не убегают, а скорее наоборот, особенно если те угощают.

Гаснык... Ну да, загасил я их, в этом они угадали, но ведь

это получилось только из-за их испуга. Что же этот испуг вызвало... Я вообще половину их слов не разобрал. Вроде и украинский, похожий на наш язык, но похожий не значит аналогичный, хватает там и своих непонятных слов.

Всё так же лёжа поменял магазин на полный, передёрнул затвор и только потом с трудом поднялся. Такое ощущение возникло, будто с патронами и хорошее самочувствие выплеснул. Снова слабость навалилась, глаза заслезились, а во рту от жажды уже вот-вот всё трескаться начнёт, как земля без дождей во время засухи.

Не сводя с этой троицы взгляда, сунул находившийся на конце гибкого шланга мундштук в рот, но из-за спины в рюкзаке только шипение раздалось. Гидратор пустой оказался, даже не помню, как допил всю воду.

– Фак! – вздохнул огорчённо.

И тут же замолчал, заметив, что у нациков на поясах флаги висят. Но прежде чем к ним подходить, как учил брат, навёл автомат на тело первого и произвёл контроль, второму тоже прилетело. Оба трупы, даже не дёрнулись. С трудом удержался чтоб не пристрелить и лысого, который метрах в двадцати от меня находился и продолжал ползти, правда уже еле-еле.

Непонятные они какие-то. Чересчур уверенные в себе, не похоже, что по ним апокалипсис сильно ударил. А это неправильно. Вывод один: они были готовы к нему. Но это ладно, готовы, не готовы, вопрос не в этом. Есть другой и самый

главный: что они, в смысле наики украинские, в нашем городе вообще делают? Не они ли вирус у нас выпустили?

При мысли об этом кулаки сжались так, что от боли в глазах снова на миг прояснилось. Есть о чём лысого расспросить, поэтому и удержал палец на спусковом крючке.

После произведённого контроля подошёл кдохлому арбалетчику, взял у него флягу и направился к «языку» – пока тот не окочурился, нужно многое у него узнать.

Открутил колпачок у явно не пустой фляги и сразу же жадно присосался к ней. Сделав пять-шесть приличных глотков...

– Что за чёрт! – я недоумённо уставился на неё.

Сначала по пищеводу теплом прошло, а потом в желудке прилично запекло. Ну ещё бы не запекло, уже сутки, можно сказать, во рту и крошки не было, а во фляге явно не вода, а что-то спиртное.

– Ну, точно, – понюхал содержимое, – водкой пахнет.

Хоть и хотелось полностью флягу опустошить, но хватило ума больше не пить. Опьянею, на голодный желудок-то, а в моём состоянии это гарантированная смерть.

«Смерть!» – прострелило мыслью, после которой я принялся заполошно оглядываться.

О зомби я как-то позабыл за всеми этими событиями, и только теперь услышал, как они урчат. Но урчат во дворах, выбраться из которых не могут, а вот на улице пока ещё никого не было. Но нужно поспешить с вопросами, пока они не

появились, тем более спиртное на удивление хорошо жажду погасило. Даже дышать легче стало и в голове прояснилось чуть.

«Странно, – кинув удивлённый взгляд на флягу, я прислушался к себе. – Действительно полегчало, и дышать с каждым разом всё легче и легче становится».

Вопросов ощутимо прибавилось.

Лысый видимо услышал хлопки выстрелов за спиной, а потом и моё к нему приближение. Прекратил ползти, вместо этого с трудом перевернулся на спину и...

– Брат! Брат, не треба!¹⁵ – пуская кровавые пузыри на губах, торопливо шептал он. – Не стреляй, брат! Мы не хотели... Попугать просто хотели... Шутили, брат...

– Считай, что шутка у вас удалась и я испугался! – услышав, что он шепчет, внутри снова полыхнуло бешенством, и я еле сдержался чтобы его, как и труп Димки тогда, не отходить хорошенько ногами. Но вот когда до меня дошло, что этот полутруп ещё и на русский перешёл и вполне нормально на нём лопочет, уже не выдержал и, уронив флягу на землю, схватив этого нацика за пазуху, хорошенько встряхнул и прошипел ему в лицо:

– Поздно ты, падла лысая, вспомнил, что народы наши братские! Почему-то всегда вы об этом вспоминаете, как под задницей начинает припекать. Твари!

Отбросил его от себя и, поднявшись на ноги, отошёл на

¹⁵ Брат, не нужно!

пару шагов в сторону, чтобы успокоиться. Но лысый снова, плюясь кровью, принялся шептать, что они шутили и убивать не хотели. Так что с успокоиться были проблемы, а вот желание заткнуть его пулей, только возрастало с каждым словом. Особенно бесило, что он меня братом называет.

Но пусть с трудом, я всё же взял себя в руки. И то, только из-за того, что заметил, что у лысого уже не только кровавые пузыри, но и пока ещё тоненькая струйка крови из угла рта потекла. Буду и дальше психовать, вообще ничего не узнаю. Так что заставил себя успокоиться, подошёл обратно, подобрал флягу и, сунув её ему под нос, спросил:

– Это что такое?

– Живец, – прекратив причитать, ответил лысый на автомате, скосив взгляд на флягу. А потом, видимо, до него дошло, о чём я спрашиваю, так как его глаза стали стремительно увеличиваться в размере от удивления, и когда они чуть ли не в два раза больше стали, он выдохнул, снова перейдя на украинский:

– Свіжак?! Дійсно свіжак? Але ми ж не знали, Улей! Ми не знали! На спорядження повелися! Якщо б знали що свіжак... ти ж знаєш, Улей, ми ж свежаков не чіпаємо... – запнулся он на миг, – Вже не чіпаємо. Але ти ж нас вже покарав за ті випадки...¹⁶

¹⁶ Свежак?! Действительно свежак? Но мы же не знали, Улей! Мы не знали! На снаряжение повелись! Если б знали что свежак... ты же знаешь, Улей, мы же свежаков не трогаем... Уже не трогаем. Но ты же нас уже наказал за те случаи...

Слушая всю эту бредятину, я никак не мог понять, то ли лысый от потери крови сбрендил, то ли они и раньше какими-то сектантами были. Попытался его словесно прервать и о живце более подробно расспросить, но он на меня вообще не реагировал: глаза круглые, смотрит в небо и перед каким-то Улеем оправдывается.

Пришлось его снова за шкуру взять и встряхнуть хорошенько, о чём тут же пожалел, хоть и добился желаемого. Лысый вскрикнул от боли, а кровь, теперь уже не изо рта, а из-под него чуть ли не ручьём потекла.

– Где вы этот живец взяли? – спросил торопливо, пока тот не помер.

– Самі зробили! (Сами сделали!) – еле слышно прошептал он. – Не вбивай, хлопець! Все розповім. Улей вже нас покарав, що на свіжака смикнулися. Не любить він цього. Завжди карає...¹⁷.

Видя, что он снова в свой бред скатывается, прервал его: – Не убью, лысый! Не убью, раз вас уже ваш Улей наказал! Ты главное рассказывай! Как вы его сделали? – наклонился я к нему ещё ниже, чтоб ни слова не пропустить.

– Горілка, сто грам, – принялся он шептать давно заученный рецепт, – споран в ній розчинити, процідити і водою все це розбавити. На півлітра води. Пити потроху... отруїтися

¹⁷ Не убивай, парень! Всё расскажу. Улей уже нас наказал, что на свежака дёрнулись. Не любит он этого. Всегда наказывает...

можно.¹⁸

– Что за споран, лысый? – чуть не взвыл я, увидев, что у того глаза начинают закатываться.

– У вурдалаків на потилиці нарiст... – уже еле слышно шептал он, – у ньому сіро-зелені виноградинки трапляються. Це спорани. Без них смерть¹⁹.

«Окончательно свихнулся, – понял я, как только перевёл и осознал, что он сказал. – Уже бред несёт».

Но был ещё вопрос, который очень и очень сильно меня волновал.

– Меня зомби укусил – это заразно? – спросил я, потому что уже не был уверен в этом. Самочувствие после живца стремительно улучшалось, я уже не ощущал себя одной ногой в... не в могиле, в неё они не спешат, но вот зомбаком я, до встречи с ними, уже почти стал. И тут такое стремительное исцеление.

Хотелось бы верить, что перед тем как резко напрягшись, вытянувшись в струнку, чтобы помереть, этот нацик успел сказать «нет». Даже не словами, говорить он уже не мог, а глазами и еле-еле заметным шевелением или даже намерением пошевелить головой из стороны в сторону.

Я медленно поднялся на ноги, глядя на уже мёртвого лы-

¹⁸ Водка, сто грамм, споран в ней растворить, процедить и в воде всё это разбавить. На пол-литра воды. Пить понемногу... отравиться можно.

¹⁹ У вурдалаков на затылке нарост, в нём серо-зелёные виноградинки встречаются. Это спораны. Без них смерть.

сого, из-под которого натекла приличная лужа крови. Хорошо хоть в противоположную от меня сторону. Но как обидно, сколько вопросов, и из-за своей несдержанности без ответов остался. Но кое-что, и как бы не самое главное, я от него услышал.

– Спораны, значит? – задумчиво посмотрел я на флягу, гадая: действительно ли это бред, как я изначально подумал, или он всё же говорил правду? Ведь складно говорил: – «Сто грамм водки, в ней этот непонятный споран растворить, процедить и разбавить в полулитре воды». Действительно складно и не похоже на бред.

Складно-нескладно, но как представляю, что зомбаков потрошить придётся... Желудок выдал возмущённую руладу, требуя хоть что-нибудь в него закинуть.

«Действительно, живец, – усмехнулся я кривовато. – Думать могу что угодно, а организм своего требует».

Живец этот непонятный реально помогает и с каждой минутой мне становилось всё легче и легче, в голове проясняется. Да и жажда уже почти исчезала, даже дышать стало легче, в горле уже совсем не пустыня Сахара. И я с удовольствием вдохнул полной грудью этот казавшийся сладким воздух, выдохнул облегчённо, сбрасывая с плеч невероятно тяжёлый груз, который, как оказалось, я на себе носил с тех пор, как тётка обратилась и Димка меня укусил.

– Ещё повоюем, брат, – прошептал еле слышно. – Я, похоже, ещё задержусь на этом свете.

Окончательно я поверил в это, когда желудок повторно и более настойчиво зарычал. Но вот удовлетворить его настойчивые просьбы сейчас было нечем, мой рюкзак точно пустой, еды там нет. Разве что... Открутил снова колпачок и сделал ещё пару глотков живца, пусть в желудке хоть что-нибудь плескается, пока еды не раздобуду.

«А ведь Николай Олегович, похоже, был прав и водка действительно не даёт в зомбака превращаться, – дошло вдруг до меня, когда я снова понюхал содержимое фляги. – Был бы в этом уверен раньше...»

Резко оборвал сам себя. Судьба и так меня бережёт, зря я на неё гнал и сейчас продолжаю гнать. Прощенья просим! Мало того, что жив до сих пор, так и сюда каким-то непонятным образом добрался. Зомбаки не сожрали, как и говорил – жив до сих пор, так ещё и если лысый не бредил, шанс на дальнейшую жизнь мне предоставила, живчик этот подогнав.

И надо этим подарком пользоваться, а не ворон считать! Везение моё, похоже, заканчивается, но я и так от души благодарен за шанс, а дальше...

«Дальше мы уже сами справимся, – думал я, глядя на ковыляющего в мою сторону зомбака. Или вурдалака, – как его лысый обозвал. – Вот сейчас и проверим, что за наросты у них там есть. А то что-то раньше я ничего такого не видел. Но я ведь и не присматривался».

Пока вурдалак до меня не доковылял, принялся в темпе

трофеи собирать. Первым делом здоровяка, вооружённого Barrett-ом, распотрошил. Подсумки срезал с него, не стал с аккуратностью заморачиваться, из других, кровью замаранных, просто магазины вытащил. Обыскал его тщательно, но ничего похожего на серо-зелёные виноградины не нашёл. Хотя ополовиненная фляга с живцом и у него была, помимо ещё одной, но уже с водой.

Вот её я, глядя на уже почти добравшегося до меня зомбака-вурдалака, и опустошил. Хоть и полегчало после живца, но память о жажде никуда не делась и я просто не смог оторваться от фляги, пока последние капли воды не стекли мне в рот.

– Вот теперь повоюем! – бросил пустую флягу на рюкзак, лежащий сейчас возле здоровяка, достал из кобуры Ruger и... – Фак!

Еле успел увернуться, уйдя в кувырок. Эта тварь вурдалачья на рывок пошла, резко ускорившись.

«Совсем тупой стал! – костерил себя последними словами, выходя из кувырка и вставая на колено. – Видно же по нему, да и чувствуется, вонь какая, что эта тварь уже кем-то подзакусила. Нет, нужно обязательно почти в упор его подпустить...»

Встав на колено, поднял Ruger и вlepил два выстрела в затылок замершему спиной ко мне зомбаку. Не ожидал, тварь, что я увернусь, вот и остолбенел на мгновение, дав мне возможность себя завалить.

«Всё же лысый, похоже, бредил, – пришёл я к выводу, осмотрев заваленного вурдалака и никаких наростов на нём так и не обнаружив. – Может просто не на каждом такой нарост есть?»»

Смотрел я на теперь уже тройку вурдалаков, что на щедро тут пролитуую кровь навелись, и надеялся, что хоть у одного из них нарост «на потилиці» обнаружится.

– Чёрт! Нужно спешить!

Из-за поворота, вслед за тройкой, ещё пятеро вышло. И кто знает, сколько их там ещё прётся?

Принялся второго арбалетчика, а потом и лысого в темпе обыскивать. И НИЧЕГО! Нет у них споранов! Да у них, если честно, вообще ничего не было, кроме оружия, боеприпасов, запаса болтов к арбалетам, фляг с живцом и с водой – только у остальных фляги с водой, в отличие от здоровяка, находились в боковых карманах рюкзаков, а не на поясе. И, судя по пустым рюкзакам, становилось ясно, что они сюда за добычей пришли, лишним ничем себя не нагружали. И где их нычка со всем имуществом теперь фиг узнаешь. Как не узнаешь, что это за Улей, который не прощает, если каких-то новичков трогают, Что за гаснык такой? Кто вирус выпустил и есть ли ещё нацики у нас в городе?

Вопросов тьма! Вот где только ответы на них искать?

Вложил Ruger в кобуру, взял наизготовку БАЯД, сейчас не до аккуратности, тварей уже с десятков в мою сторону ковыляет и из-за поворота ещё трое вышли.

Оглянулся назад... там чисто, никого нет. Вскинул автомат, прицелился, и одиночными принялся валить вурдалаков, не подпуская их близко.

Они, оказывается, не совсем тупые – я с удивлением наблюдал, как последняя вышедшая из-за поворота тройка развернулась и потопала обратно.

Но удивляться долго не стал: как ушли, так с подкреплением и вернутся. Принялся заваленных на наросты проверять.

Или лысый реально бредил, или я что-то не так понял. Никаких наростов на затылках у теперь уже точно мертвяков я не обнаружил.

– «У вурдалаків на потилиці нарiст» – прошептал я, осматривая последнего и тоже не находя у него никакого нароста. – На потилиці. На по-ти-ли-ці. На потыл... Ну правильно же понял: тыл, потыл – за-тыл-ок. Не может же быть, что «потилиця» – это... – посмотрел я на выдающуюся пятую точку женщины в брюках, явную любительницу пирожных. Но сейчас от неё запах совсем не пирожных шёл, да и характерные пятна на брюках намекали совсем не о пирожных.

Это «потилиця», что ли? На этом тылу наросты искать?.. Чёт я брезгую.

Глава 5

Я сидел в кресле на застеклённом балконе у брата и бездумным взглядом наблюдал, как на улице начинает светать, и то, что вогнало меня в ступор больше чем вурдалаки, зомби и нацики вместе взятые, начинает исчезать с небосвода.

Вчера, даже не найдя спораны... и нет, в штаны к вурдалакам я всё же не полез. Так вот, даже не найдя спораны, я не особо и расстроился. Всё же самочувствие стремительно улучшалось, и живец, пусть и небольшой его запас, но он у меня был. Так что в темпе собрал трофеи – два круто выглядящих арбалета с оптическими прицелами и Barrett XM500 – прочитал название на самой винтовке – тяжеленная дура. Даже не представляю на кого с помощью неё охотиться можно в нынешних условиях. Но раз таскали, значит было на кого, просто я ещё с такой опасностью не повстречался. Что снова подтверждает то, что судьба меня хранила.

Спрятал все трофеи, кроме живца, в рядом стоящем доме, после чего перебрался через забор на соседний участок. И так, прыгая по участкам, пригород и миновал, по пути тщательно высматривая другие группы нациков, да и вообще любых выживших искал.

Мне была просто жизненно необходима информация об этом чудесном, исцеляющем напитке – живце. Запас времени у меня ещё есть, пока в добытых флягах эта живая вода

плескается, но лучше не затягивать. Так что к дому брата я по большой дуге пробирался, часто забираясь на крыши многоэтажек и оттуда осматриваясь.

Но на сегодня моё везение закончилось. Так никого и не найдя – или больше никого нет, или из города смылись вовремя, – я до квартиры брата и добрался. По пути, по настойчивому требованию разошедшегося не на шутку желудка, навестил магазин «Магнит», где полностью забил свой рюкзак едой. За водой пришлось вторую ходку делать, её тоже немалый запас нужен был.

Вот так, всё ещё в приподнятом настроении, я сначала искупался, а потом на походной плитке, аналогичной той, что в землянке находилась, приготовил себе просто шикарный ужин и, сидя на балконе, краем глаза наблюдая за округой, поедая приличного размера ещё скворчащий кусок жареного мяса. Оно хоть и разморозилось в магазине, но протухнуть ещё не успело, так что решил его прихватить, с чем желудок тогда был полностью согласен, просто неприлично громко рыкнув. Консервы же, которых тоже набрал, я на потом оставил. Чувствую, что ещё успею ими наестся.

Хорошо хоть поесть успел, прежде чем...

– Фак! Это ещё что такое?

Чем больше темнело, тем сильнее на небе проступало что-то непонятное. Когда же окончательно стемнело, я просто обмер от увиденного.

Небо было абсолютно чужое!

Не наше, не земное, а с крупными, с горошину, а то и с вишню размерами... простыми, привычными для нас звёздами их уже не обзовёшь – планетами. Не такие многочисленные, как видимые с Земли, эти планеты плавали среди многочисленных жутко выглядящих космических туманностей.

Чужое небо! Чужой мир!

Всю ночь я просидел в кресле и всё никак не мог поверить в реальность происходящего. Зомби – их, пусть и с трудом, но достаточно быстро воспринял, не зря с братом всю жизнь к какой-нибудь херне готовились. Но не к другому миру. Ведь это значит, что всё, с братом я действительно больше никогда не увижусь. И то чувство, что испытал при виде обращённой тётки, будто кусок души у меня вырвали – оказывается действительно вырвали.

Один во всём мире.

Очень хотелось закурить, но обещал брату до армии этого не делать. Он-то раньше курить начал, о чём потом жалел, а в армии, говорил, вообще из-за этого вешался. Так что хоть мне она теперь и не грозит, судя по чужому звёздному небу, обещание, данное брату, я сдержу. До девятнадцати, как минимум, курить не буду. А потом... Жизнь покажет, что будет потом, сейчас дожить хотя бы до восемнадцати.

В себя меня привело непонятное шевеление вурдалаков в сквере Воинской Славы, он как раз наискосок через Т-образный перекрёсток от дома брата находился и с балкона ча-

стично просматривался. Тем более сейчас, когда оказывается уже рассвело. Так вот, эти твари внезапно возбудились и... насколько я понял, принялись драпать, изредка оглядываясь назад.

– Так, так, так, – я был рад хоть какому-то шухеру, абы только отвлечься от тяжёлых мыслей. – И что же это вас так напугало?

Тряхнул головой, окончательно приходя в себя, допил холодный, но зато до горечи настоявшийся чай, взял бинокль, прихваченный ещё вчера из шкафа, где у брата всякое разное и интересное хранилось, попытался рассмотреть то, что вурдалаков... вот прицепилось слово, не отвяжется. Зомбаков теперь только вурдалаками и называю.

– Оба-на! – замер я, найдя тех, кто кипиш поднял. – А вот и марафонцы!

Рассмотрел их в бинокль и сразу же осознал... Да, в очередной раз мне повезло, что я не стал их тогда окликать, ведь эти голые марафонцы и есть настоящие вурдалаки. Поспешил я с привычкой зомбаков так называть.

Один вурдалак, – и тут я ошибся, сравнивая их тогда с Витькой-морячком, – он, оказывается, по сравнению вот с этим вот, сейчас объявившимся, так, дистрофик не дистрофик, но близко к этому. Гориллоподобный монстр с гипертрофированными мышцами, существенно выше двух метров роста, и это он ещё сутулый, с длинными, мощными лапами, внушал... да, внушал.

Остальные твари попроще были, хоть и тоже уже видоизменённые. Как и главный, мышцей начали обрастать, морды, уже не совсем человеческие, начали приобретать более хищные черты. Да и сами они, глянешь – сразу видно, что хищники. Вурдалаки. С простыми зомби их уже точно не перепутаешь.

Теперь стало понятно, для чего нацикам Barrett нужен был. По таким тварям из него только и работать. Я даже на миг пожалел, что не взял его с собой, но тут же откинул эту глупую мысль. Никогда из такого оружия не стрелял, только в интернете видел, как это делается, ну и результаты его работы видел. Прилетало иногда со стороны «лесных». А раз не умею, так нечего и сожалеть, будем работать из привычного и хорошо освоенного мной БАЯД.

И да, несмотря на то, что танцору обычно мешает, всё это сжалось и к подбородку поджалось... Впечатлили эти твари меня своим внешним видом, да. Но я всё равно собирался поохотиться на теперь уже точно вурдалаков, благо движутся они в мою сторону. Видимо судьба силёнок поднабралась и сегодня ещё раз решила мне подмогнуть, направив их мне прямо под нос, давая шанс разобраться с вопросом: бредил лысый или всё же правду говорил, и спораны действительно существуют. И шанс на то, буду я жить, или как живец закончится, снова в развалину превращусь и в этот раз точно зомбаком стану.

– Спасибо! – еле слышно прошептал я, открывая окно на

балконе.

Но тут же замер: нечего квартиру, где живу, светить. Медленно, как и открывал – закрыл створку обратно. Вскочил с кресла и метнулся в комнату, где шустро принялся экипироваться, последними повязал бандану, натянул перчатки и, вернувшись на балкон, посмотрел ещё раз на уже и без бинокля нормально видимых «марафонцев». Глотнув живца, прихватил оставленный там автомат и направился на выход.

С крыши поохочусь.

Это конечно не с третьего этажа, на котором квартира брата находится, но и не предел дальности, так что трудностей никаких не должно возникнуть... надеюсь.

Лестничные марши метеором пролетел, благо ничего не опасался. Вчера ещё весь подъезд проверил, двери открытые закрыл, на чердак замок сбил, чтобы если случилось бы драпать, не пришлось возиться с ним. Вот сейчас и пригодилось, без задержек забрался на крышу и сразу же вправо рванул, чтоб оказаться точно напротив улицы Гайдара, она как раз мимо сквера тянется и по ней сейчас в мою сторону зомбаки и валят, разбредаясь в разные стороны на перекрёстке.

Следом за ними шествуют «марафонцы». По-другому и не скажешь – именно шествуют: вальяжно, не спеша...

– Ф-фак! – выдохнул я потрясённо, когда увидел, как главный «марафонец» резко ускорился и ударом мощной лапы легко снёс голову отставшему от остальных зомбаку.

Присев за парапетом, я сейчас наблюдал за ними в би-

нокль, и вот это обезглавливание во всех подробностях рассмотрел, как и последовавшую вслед за этим трапезу. Вурдалак телу зомбака даже упасть не дал, подхватил его и вонзил очень, ну просто очень внушительно выглядящие, совсем уже нечеловеческие зубы в то место, где совсем недавно у того голова находилась.

Остальные «марафонцы», не обращая на него внимания, продолжали не спеша двигаться вперёд, вертя головами по сторонам и ища кого-то. И я даже, кажется, догадываюсь, кого. Выживших людей эти твари ищут, раз на простых зомби не особо внимания обращают, но при этом окна квартир внимательнейшим образом осматривают: не мелькнёт ли там кто? Как и между машин круги наматывают, тоже явно не просто так.

Чем ближе они приближались, тем больше меня сомнения одолевали: стоит ли раскрываться? Двенадцать вурдалаков, справлюсь ли с ними, или...

«Справлюсь! – принял я окончательное решение, когда главный, подкрепившись, уронил понадкусанное безголовое тело и следом за остальными двинулся. – Если хочу жить, то должен справиться, – накручивал себя мысленно, – иначе лучше сразу сдохнуть, чем снова испытывать то чувство беспомощности, что совсем недавно ощущал. Чувствовать, как медленно в зомбака превращаюсь».

– Справлюсь! – прошептал, откладывая в сторону бинокль и беря в руки прислонённый к парапету автомат.

Начинать нужно с главного «марафонца». Хотя уже и сомневаюсь, что это именно те, кого я тогда в поле видел. Там, если память не подводит, несколько таких здоровяков было. И общее количество, всего десять вурдалаков, а не как здесь – двенадцать. Так что не одна такая стая по городу бродит. Нужно будет...

Прогнал все левые мысли, чтоб не сглазить, приник к автомату, выцеливая голову «глав-марафонца», и постарался размеренным дыханием успокоить разошедшееся не на шутку сердце.

Завалю главного – буду жить!

Он тут самый опасный, сильный и невероятно быстрый – что уже успел продемонстрировать. А также самый крупный – голова его просто отлично просматривается.

Глубокий вдох, медленный выдох. Глубокий вдох...

Перевёл предохранитель-переводчик режимов огня в положение короткой очереди в три выстрела, плавно опустил палец на спусковой крючок и, как только эта туша вышла на перекрёсток, максимально близко ко мне, выдохнул, задержал дыхание и... Коротко, толкнув прикладом в плечо, отстучала приглушённая глушителем очередь.

– Ха! – вздохнул я облегчённо. – Не всё так страшно, оказывается.

Главнюк, как шёл, так и рухнул, расплескав содержимое своей бестолковки, не успев осознать, что пусть он и был королём улиц и наводил ужас на простых зомбаков, но в здеш-

нем районе имеется другой король, с автоматом.

– Урлр!!! – не на шутку всполошилась свита этого короля.

Оставшиеся вурдалаки на приличной скорости рванули к моему дому и принялись метаться вдоль него, своими мельтешением и завываниями поторапливая ещё не смывшихся простых зомбаков убраться подальше.

Не знаю, что меня в первый раз заставило целиться в глав-голову, наверное, навеянные кино стереотипы сработали, что зомби только выстрелом в голову убить можно. Но это, впрочем, пусть частично, но подтвердилось. Стреляя по свите, я ясно видел, что попадал по ним, но завалить сумел только одного, помимо главного, вурдалака, так как попадал не в башку, а по их телам.

И как только это произошло, эти твари меня удивили: стоило только свитскому вурдалаку грохнутьяся, сразу же, как будто команда какая-то прозвучала, все рванули туда, откуда недавно пришли. И рванули с приличной такой скоростью.

«Как бы другого короля, покруче, на помощь не позвали», – смотрел я им вслед, меняя магазин в автомате. – «И вот пока не позвали, нужно лететь и проверять: есть нарост или нет?»

Убедился, что свита усвистала вдаль без остановки, другие зомби тоже спешат удалиться отсюда, как можно дальше. Как и на крышу недавно, с той же скоростью рванул в обратном направлении: сначала к своему подъезду, а потом и вниз, буквально слетев на первый этаж. Там уже спешить не стал,

со всеми предосторожностями выглянул наружу, убедился, что никого нет, и только после этого, вертя головой во все стороны и держа оружие наготове, направился к углу дома, а потом и к туше бывшего короля. Но прежде чем к нему подступиться, пришлось вурдалака из его свиты добить. Ему я, как оказалось, удачно в шею попал и перебил позвоночник. Но этот падла и не думал подыхать, слегка дёргался и широко открытыми глазами наблюдал за каждым моим шагом, мог бы – сожрал.

Король марафонцев, даже дохлый, внушал. Вурдалак натуральный, и человек в нём угадывался уже с большим-большим трудом. И ладно тело – огромное, с вздутыми мышцами, удлинёнными уже не руками – лапами, с венчающими пальцы когтями. Морда у него уже была нечеловеческая: пасть раздалась в стороны, наполнившись животными зубами, лоб скошен назад, глаза внутрь провалились... мерзкое зрелище.

Прежде чем к нему подойти, произвёл контроль, но тот даже не дёрнулся – точно дохлый. Обошёл его по кругу и...

Не соврал лысый.

С «потылицею» я угадал, и правильно сделал, что к зомбячьей заднице тогда не полез. У вурдалака, в отличие от простого зомбака, нарост действительно был – под цвет кожи на весь затылок дольчатая хрень какая-то выросла. Вблизи сразу в глаза бросается, особенно у этого короля, так как волосы на наросте у него выпали, в отличие от свиты.

Осмотрелся ещё раз по сторонам, вздохнул и, заранее скривившись, достал из ножен Ка-Ваг, опустился на колени и, вогнав его между дольками этого нароста, принялся их вырезать, с каждым движением действуя всё смелее и смелее. На удивление ни крови, ни тем более мозгов наружу не полезло. Когда, вырезав, раскрыл эти дольки как цветок, внутри нароста ничего не было, там всё было заполнено тёмно-серой, почти чёрной паутиной.

Подцепил её пальцами, она и ощущалась как паутина, один в один на ощупь, как когда берёшь в руки кокон паучий. И внутри этого кокона что-то было.

– А вот и они, – выдохнул я радостно, когда выдавил из паутины на ладонь три серых виноградинки. – Спораны! Поживём ещё!

Снова осмотрелся по сторонам и поспешил к менее изменившемуся вурдалаку. И только здесь понял, как мне повезло, что «глав-марафонец» на бок рухнул и мне не пришлось его ворочать. С этим так не повезло. И хоть размерами он с обычного человека был, но до чего же тяжёлый, с-с-самка собаки!

Нарост и у этого был, который я, уже не кривясь, быстро вскрыл и из такой же паутины ещё один шарик достал. Его уже не рассматривал, бросил к остальным в карман и, больше не задерживаясь, рванул в магазин, за другим компонентом для живца.

Оттуда уже домой к брату, и вот сейчас заморожено на-

блюдал, как «виноградинка» растворяется в рюмке с водкой, выпадая белёсым осадком. Действуя строго по рассказанному лысым рецепту, я этот осадок тщательно процедил и, как и было сказано, водку смешал с водой. Взболтал, перемешивая и, задержав дыхание, сделал маленький глоток.

– Оно! – выдохнул облегчённо.

Один в один, что в флягах нациков плескается. А это значит, что действительно ещё поживу... если тупить не буду. Как с Димкой протупил. Если б вместо него «глав-марафонец» попался, тот бы мне своими шикарными зубами вмиг бы руку откусил. Это если бы как тому зомбаку голову с плеч сначала не смахнул.

Спустя несколько часов от моей расслабленности и лёгкой эйфории, вызванной удачной охотой и наличием в кармане трёх споранов, не осталось и следа. Как я и опасался, сбегавшие вурдалаки вернулись, и вернулись не сами.

– Собаки! Как же я вас ненавижу, – прошептал я, по-быстрому закончив с чисткой оружия.

И это было не ругательство, они реально вернулись с собаками. Только вот нужно было видеть, что это были за собаки. Две, как братья-близнецы, с телёнка размером, такими же раздутыми, как и у «глав-марафонца» – мышцами, челюсти... Это, наверное, короли собак. С такими чемоданами вместо пасти они бы короля марафонцев на запчасти быстро разобрали, случись им на узкой дорожке пересечься.

И эти твари не спеша так прибежали в сопровождении

бывшей свиты короля, обнюхали всё вокруг и принялись во-
круг дома крутиться, ясно кого искать.

Четыре дня я носа из квартиры не высовывал, кроме как в туалет, наблюдал, как то в одном месте, то в другом эти твари изредка мелькают. Благо при наличии живца это времяпровождение не было обременительным. Я выспался, а то после первой, бессонной ночи, когда новое звёздное небо за окном обнаружил, в сон прилично клонило, и даже кружащие снаружи вурдалаки ненадолго взбодрили. Наоборот, когда эйфория от удачной охоты прошла, так в сон и начало клонить.

Зато за эти дни чуть в живце разобрался. Понял, что охотиться за споранами и дальше придётся, иначе, как лысый и говорил, без них смерть.

До смерти я, само собой, дело не доводил, но попытался было живец экономить, как можно реже и меньше его пить. Слабость, ухудшение самочувствия и часто наступающая жажда – вот итог моего эксперимента. Если же пить периодически и вовремя, то расход небольшой, намного меньше, чем когда я его только у нациков нашёл. Тогда за сутки я одну флягу прикончил, хоть и не полную, там чуть больше половины плескалось. Но оно без разницы, всё равно много тогда выпил, прежде чем моё самочувствие стабилизировалось.

Ещё заметил, что укус достаточно быстро зажил, чему точно живец поспособствовал. К сегодняшнему дню от той

рванной жути на руке и не осталось ничего, просто шрам, пусть и свежий.

Так что с экономией завязал. Как только чувствую жажду... даже не жажду, до неё лучше вообще не доводить – как только чувствуется в нём потребность, а она чувствуется, хочется мне живца глотнуть, так сразу пару-тройку глотков делаю и надолго о нём забываю.

Так вот, с запасом уже готового живца и споранов я бы мог и дальше в квартире от тварей ныкаться. Но понимал, что всю жизнь здесь не просидишь и выходить всё равно нужно. Нужно искать других людей, нужна информация об этом мире и нужно учиться справляться с тварями этими, какими бы они ни были страшными.

– С королём марафонцев справился, значит и с собачьим справлюсь! – я наблюдал в окно, как один из этих «венценосцев» завалил сдуру сюда забредшего зомбака, и теперь его пожирал.

Если же совсем честно, то основная причина, почему ухажу именно сейчас – жрать скоро нечего будет. Аппетит у меня сейчас такой, что не успею плотно позавтракать, как через час желудок уже снова добавки требует. Такое ощущение, что за те дни, когда толком не ел после укуса, он многократно восполняет запас, максимально быстро всё переваривая. Вот я и подъял всё то, что из магазина притащил, остались только крупы и постное масло. Но не осталось на чём всё это готовить, газ в баллоне закончился. Вот и пора

в дорогу, пока силы есть.

Ещё раз пробежался руками по всему своему снаряжению, мысленно перебрал то, что у брата взял, и не нужно ли ещё что прихватить, окончательно настроился на бой... и заранее приготовился к отступлению.

Но, надеюсь, всё пройдёт нормально.

Снял автомат с предохранителя, перевёл режим огня на очередь и, отгоняя все лишние мысли, полностью сосредоточился на предстоящем деле.

Кинул взгляд на вурдалака, продолжавшего довольно быстро разбирать на запчасти зомбака. Открыл окно, что осталось незамеченным с его стороны, в последний раз вздохнул, настраиваясь, и негромко свистнул, привлекая внимание твари.

Если бы на автомате была оптика, можно было бы попробовать и так его достать, но оптика в рюкзаке лежит, её ещё пристреливать нужно, вот и свистнул второй раз. После первого вурдалак оторвал свою окровавленную пасть от своей трапезы и головой по сторонам завертел, после второго же он меня увидел. Увидел, и без промедления сразу же сорвался с места в галоп. Совершая гигантские прыжки, молча нёсся в мою сторону, только цокот когтей по асфальту нарушал тишину мёртвого города.

– Пора! – отдал я себе команду, окончательно прогоняя всякое волнение, как только собачен оказался в ста пятидесяти метрах от меня.

Помимо цокота когтей, окружающую тишину разорвали, пусть и приглушённые глушителем, но достаточно громкие звуки коротких, на три-четыре патрона, очередей. А потом и рык этой твари, которой прилетело в широкую грудь, вплёлся в эту какофонию. Но похоже, что эти попадания вообще не нанесли никакого урона твари, наоборот, вурдалак, казалось, только скорости прибавил.

– Сук! – отшатнулся я от окна, но тут же вернулся обратно под звуки бьющегося снизу стекла.

Пёсий король, приблизившись и не обращая никакого внимания на стрельбу по нему, с разгону прыгнул... высоко. Почти до второго этажа допрыгнул... передними лапами. Задние же влетели в окно первого этажа, высадив его. Но не это главное. На первом этаже магазин оптики находится, окна которого решётками забраны. Вот я, вернувшись, и успел увидеть, как тварь падает после прыжка, переворачиваясь в воздухе, при этом одной лапой за эту решётку зацепившись.

Идеальный шанс!

Высунувшись из окна по пояс, я вклеил короткую очередь собачьему вурдалаку в затылок, прямо по наросту. И судя по тому, как тварь обмякла, добавки не требуется.

Всё, я здесь король! Не псынам этим облезлым с автоматом спорить.

Перевёл огонь на свиту, которая от главного своего немного отстала, но как раз к этому моменту добежала.

– Ха! – выдохнул я облегчённо.

Туша собачьего короля безвольно повисла вниз головой, готовая к разделке, свита проблем вообще не доставила, по несколько патронов на вурдалака – парочка чтобы с ног свалить и ещё один, чтобы добить. На последнего так вообще одного патрона хватило, он мельтешить перестал, вот я в голову ему одиночным и вlepил.

– Кажись, справился! – я стянул бандану с головы и вытер ею вспотевшее лицо, после того как убедился, что твари закончились и больше никто сюда не спешит. – Хороша игрушка.

Отсоединил от автомата барабанный, на семьдесят пять патронов, магазин. Брат заказал у какого-то своего знакомого такие, вот перед самым отъездом тот ему их и привёз. Двенадцать штук братан с собой забрал, а три дома оставил, велел мне их в землянку отнести. Что я и собирался сделать, только попозже. На выходных.

Сначала не успел. Потом из головы вылетело: после укуса так хреново было, что я о них просто забыл. И вот сейчас они мне пригодились. Одного барабанного магазина хватило чтобы и короля и свиту его завалить, не отвлекаясь на перезарядку.

Поменял барабанный на уже простой магазин, рожковый. Теперь можно было бы выходить и начинать вурдалаков потрошить. Но! Есть одно большое «но». Где-то вторая псина бегаёт, и почему-то не спешит показываться. Или они меня тут по очереди караулили? А это, скорее всего, так и есть,

ведь свита тут тоже не вся. Всего четверо недовурдалаков. Но вполне возможно, что другая часть сейчас сидит в засаде и ждёт меня красивого, когда я из норки вылезу.

– Где ты, тварь? – пытался я её высмотреть. – У меня спораны под окном протухают.

Вылезать было страшно, ведь в грудь я пёсего вурдалака, этого короля собачьего, завалить так и не смог. Чувствую, повезло мне и с марафонцем, что я ему тогда в темя попал, потому и рухнул он сразу. В грудь бы тоже пришлось повозиться – там, что у него, что у псин этих, приличный такой мышечный каркас вырос, его пули хоть и дырявят, но что-то не видно, чтобы сильный урон наносили. Так что стоит сейчас выйти наружу и начать вурдалаков разделявать...

– Не могут же они до такой степени умными быть, – бормотал я себе под нос, тщательно осматривая в бинокль каждый закоулок, где только можно было спрятаться.

Ведь и правда, сколько я ни наблюдал в эти дни за поведением что собак, что свиты, особого ума в их действиях не увидел. Так что, никого не обнаружив, решился всё же выпотрошить тварей, а не просто взять ноги в руки и валить отсюда.

– И снова троечка, – выдавил я из чёрной паутины виноградины. – Это стандарт, наверное. У матёрого три, а у свиты... – после разделки короля, направился к свите. – Блин, только у одного споран, остальные пустые.

Пряча «виноградину» в карман, я ругал почём зря жадных

вурдалаков, которые не смогли побольше споранов в своём наросте отрастить. Хотя бы по одному в каждом. Только зря на них патроны, которых у меня совсем немного осталось, перевёл. Я ведь их не особо экономил, помирать собирался, вот и валил всех встречных-поперечных в подъездах, расчищая себе путь к жилью знакомых. Вот и осталось у меня всего два рожка к БАЯДу к этому времени. Ну и один патрон в барабанном магазине, семьдесят четыре я во время прошлой охоты истратил.

Вертя головой во все стороны, поправил рюкзак, подтянув одну стропу, чтобы он удобно на спине сидел и не стеснял движений. Направился на выход из города, рассчитывая по пути к землянке ещё и в магазин заскочить, продуктами разжиться. А потом, после землянки, пополнившись боеприпасом, вернусь за своими трофеями и ещё поохочусь. Очень мне интересно, что выстрел в упор из Barrett с «королём» сделает? Выдержит ли их мышечный каркас попадание пули такого калибра?

Видимо второй собакен почувствовал эти мои недобрые мысли и решил не давать мне возможности проверить их в реале. Ну, или просто обиделся на смерть своего собрата. Так как не успел я в пригород выбраться и чуть углубиться в частный сектор, как сзади донеслось довольно громкое урчание. Второй пёсий «король», увидев меня перелезающего через забор, резко сорвался в ускорение, так же, как и прошлый, оставляя позади свою двуногую свиту.

– Фак! – спрыгнул я с забора во двор и на бегу, вертя головой во все стороны, пытался найти место, где укрыться. Ведь шансов уцелеть при столкновении грудь в грудь с этой тварью... это не Димон. Ни разу не Димон! Что?

Со стороны соседнего участка раздался свист.

Глава 6

Со стороны соседнего участка, хорошо видимый сквозь забор из сетки-рабицы, мне призывно махал вооружённый автоматом мужик, одетый, как и я, в камуфляж.

Не раздумывая, резко изменил направление, опёршись рукой о поперечную трубу забора, одним движением его перескочил и к крепышу подбежал. А мужик действительно крепыш, пусть и пониже меня ростом, но его фигура даже не намекала, а кричала, что он со штангой или гирями хорошо знаком. Камуфляж чуть ли не трещал от распирающих его мышц, а автомат в его руках просто игрушечным казался.

– Не спеши! – притормозил меня мужик, продолжая смотреть туда, откуда я только что прибежал.

Туда же и я посмотрел, обернувшись. И как раз вовремя, увидев как вурдалак слёту преодолевает первый забор, верхом на котором он меня и заметил.

– А вот теперь дёргаем отсюда! За угол давай! – подтолкнул меня крепыш в нужном направлении, убедившись, что тварь нас заметила. – Сюда ныряй.

Завернув за угол дома, пробежали мимо крыльца и, поймав меня за рюкзак, здоровяк указал на расположенный в фундаменте вход в подвал с массивной деревянной дверью, ещё и жестью оббитой.

Надеюсь, мужик знает, что делает.

Так как сейчас не до расспросов, я тупить не стал. Дверь была уже открыта, вот я и шагнул в проём, потопав по довольно крутой лестнице вниз. Но тут же замер, не услышав шагов сзади. Мужик и сейчас спешить не стал, стоял на входе и... дождался. Вурдалак выскочил из-за угла и крепыш тут же захлопнул дверь, в которую сразу же последовал удар снаружи.

Хорошо, что она наружу открывается, а то ловил бы я сейчас мужика вместе с дверью. А так содрогнулась, закрипела, но выдержала атаку твари, только стекло, вставленное сбоку от двери в небольшое оконце, вылетело.

Вслед за первым последовал второй, потом, сопровождаемый недовольным урчанием/рычанием ещё более сильный третий удар. Не знаю, о чём думал крепыш, продолжавший стоять возле содрогаящейся двери, но я спустился в самый низ лестницы, к входу в сам подвал, и там замер, в любой момент готовый вскинуть автомат и встретить очередь ворвавшегося к нам вурдалака.

Но... после третьего удара внезапно наступила тишина. Не полная, слышно, что что-то там происходит снаружи, только вот непонятно что. Но главное «короля» не слышно, только шорох, скрежет и какие-то хлопки издали доносятся. Впрочем, и это всё вскоре стихло.

– Ну вот и всё! – обернулся ко мне крепыш, окинул с ног до головы взглядом и задержал его на моей нашивке, что я на разгрузку пришил. – Скаут, значит? Меня Сомом зовут.

Больше ничего не говоря, без всяких предосторожностей он распахнул дверь и вышел наружу. Я же продолжал стоять внизу, недоумённо глядя на открытую дверь. Что происходит? Где «король» и кто этот мужик? Вообще ничего не понимаю.

Осторожно поднялся наверх и сквозь проём наткнулся взглядом на уже дохлого пёсего короля. Даже немного неловко стало, когда увидел, что у него в затылке стрела торчит. Я-то радовался, что победил подобного, при этом потратив чёрт-те сколько патронов. А тут один тихий выстрел... из чего?

– Порядок, Сом! Парни возвращаются.

Я даже вздрогнул, до такой степени неожиданно прозвучал голос откуда-то сверху. Помимо крепыша, что стоял возле крыльца и не обращая никакого внимания на мёртвую тварь, осматривался по сторонам, тут оказывается ещё и дамочка присутствует. Сидит сверху на крыльце, тоже в камуфляж одетая и с очень знакомым арбалетом в руках. Пара таких же, один в один, у меня припрятанные лежат, с тел нациков взятые.

Но эти вроде по-русски говорят, и на нациков совсем не похожи. Просто совпадение?

Дамочка в это время легко и непринуждённо спрыгнула с крыши на землю, кинула заинтересованный взгляд на меня и, как и Сом, осмотрела всего с ног до головы. Но ничего не сказала, только одобрительно хмыкнула, после чего, достав

из ножен на поясе нож, подступилась к туше «короля».

А я в очередной раз неловко себя почувствовал, наблюдая, как она довольно уверенно нарост выпотрошила. Это было до такой степени обыденно проделано, что все мои недавние восторги казались сейчас просто детскими. А тут одним выстрелом из арбалета такую тварь завалить... Слов нет. И ладно бы это Сом всё проделал, но нет, невысокого роста, пусть и крепкая на вид, но всё же женщина. На вид ей лет двадцать пять – тридцать можно дать.

Помимо споранов и стрелу извлекла из нароста, но её она тут же откинула в сторону, недовольно при этом нахмурившись. Повернулась и хотела что-то Сому сказать, но тут подошли двое, видимо те самые парни, о которых она и говорила.

Прям братья-близнецы, один повыше и плотнее, второй пониже и более щуплый. Но одеты в одинаковую одежду: штаны цвета олива, тёмные кроссовки, коричневые футболки, панамы на голове у обоих и абсолютно одинаковое оружие в руках. Что у одного, что у другого Сайга-12С, только если б раньше не видел такие переделки, то и не узнал бы её. Так как переделке, такое ощущение, подверглось всё кроме ствола. И то, того не видно было под длинным, почти во весь ствол, глушителем. Ну и самое главное, что и делало их близнецами – смуглые от загара лица, одинаково заросшие по самые глаза даже не недельной, а чуть ли не двухнедельной щетиной. Бармалеи натуральные.

– Нормуль дела, Сом! – радостно улыбнулся тот, что повыше, продемонстрировав крепкие, чуть желтоватые зубы. – Не успели в город зайти, а уже урожай сняли.

– Сплюнь! – не разделял его радостного настроения крепкош. – Что там?

– Шесть средних бегунов, – спокойно заговорил второй. – Четыре спорана с них взяли. Но, блин, Сом, нужно, как мы раньше и решили, за патронами идти, а не охоты устраивать.

– Да ладно тебе, Берн! – хлопнул его по плечу «близнец». – Никуда патроны не денутся, а тут спораны сами прибежали.

– Отвали, Голд! – даже не глянул на него Берн, не сводя взгляда с Сома. – Случись заварушка, у меня всего одна «Улитка» осталась, – хлопнул он ладонью по присоединённому к Сайге барабанному магазину. – Двадцать патронов, Сом. И всё, практически весь запас уже расстрелял.

– И мне, кстати, тоже запас стрел нужно пополнить, – поддержала Берна женщина. – Сейчас вот ещё одну в утиль отправил.

Поигрывая желваками, Сом переводил хмурый взгляд с одного на другого, видимо не в первый раз они всё это ему говорят.

– Хорошо, – кивнул он согласно. – Идём сначала в «Охотничий Дом», пополняем там вам боезапас, а завтра с утра уже начнём ментов потрошить. Мика, – повернулся он к женщине, – забирай свои вещи, и дёргаем отсюда.

И да, у каждого из них за плечами рюкзак был, только Мика налегке. Но и она недолго таковой оставалась, нырнула в подвал и вскоре вернулась оттуда со своим рюкзаком с прикреплённой к нему СВУ-АС. Не только арбалетом вооружённая, оказывается, но и штатный снайпер этого небольшого отряда.

– Теперь с тобой, Скаут, – наконец-то повернулся ко мне Сом. А то я совсем неуютно себя чувствовал под полным игнором окружающих. Что Берн, что Голд, как подошли, так только по одному взгляду на меня и бросили. Мика тоже, осмотрела, оценила и из головы выбросила. Ясно было, что неинтересен я им. И вот теперь крепыш ещё раз кинул на меня оценивающий взгляд, будто решая, что со мной делать. – Я так понял, ты город хорошо знаешь, и сейчас уже прошвырнуться по нему успел?

Знаю ли я свой родной город? Конечно, знаю. Успел ли я по нему прошвырнуться? На всю жизнь это – «прошвырнуться» запомнится. Но во всё это я вдаваться не стал, сейчас нужно помалкивать и больше слушать. Уже ясно, что эта группа тут не новички, как и группа нациков. Так что ответил коротко на оба его вопроса:

– Знаю. Успел.

– Отлично, – одобрительно кивнул Сом, которому моя немногословность, такое ощущение, по душе пришлась. – Тогда ещё один вопрос. Как у тебя с боеприпасом?

– К автомату два рожка осталось, к пистолету чуть получ-

ше.

Ответил честно, так как скрывать тут особо нечего было. Пока по городу шарился, семьи друзей проверяя, хорошо потратился, зачищая подъезды и подходы к ним. Не было нужды экономить, подыхать собирался. Вот и расстрелял почти весь запас к БАЯД, а остаток улетел во время охоты на «королей». К пистолету же, к ПЛ-15 я имею в виду, Ruger я после охоты сразу в рюкзак убрал, так как он хорош против простых зомбаков, вурдалаков же пулька 22 калибра уже совсем не впечатлит, если конечно к ним в упор не подойти и в голову не выстрелить. Так вот, к ПЛ-15, так как его раньше не использовал, шесть полных магазинов ещё было, по шестнадцать патронов в каждом.

– Очень хорошо, – явно обрадовался Сом. Я уже подумал, что он сейчас предложит немного поделиться, но не угадал. – Предлагаю на время объединиться. Прикроешь нас, пока мы ментов не выпотрошим, а то на нарезные стволы мы сейчас совсем пустые, после чего хабар делим на всех в равных долях. Как тебе предложение?

Как «как»? Интересное предложение! Хоть они и мутноватые какие-то, но мне сейчас выбирать не из чего и не из кого. Нужно как можно быстрее информацией разжиться: где это я со своим городом умудрился оказаться? Что вообще за хрень здесь происходит? Но говорить об этом не стал, раз приняли меня за... даже не знаю, за кого они меня приняли. Но это сейчас и не важно, по ходу дела всё выяснится. Так

что, особо не раздумывая, ответил:

– Без проблем! Прикрою.

Сказал вроде и уверенно, но мысленно взмолился, чтобы по пути мы не нарвались на марафонцев, а то наприкрываюсь... Хотя не дурак, понял уже, что у тварей нарост – слабое место, раз их одной стрелой так завалить можно. Но ты ещё попробуй попасть ему в этот нарост, если такой король прёт на тебя лоб в лоб и пули его не особо берут. На таких из засады только и охотиться. Ну, или из «Баррета», с ним, я думаю, и лицом к лицу с вурдалаком не страшно будет сойтись.

– Ну и отлично! – Сом кивнул одобритительно, не заметив моих мысленных терзаний, подошёл и хлопнул по плечу ладонью так, что я чуть на колени не рухнул – до такой степени он силён оказался. – Тогда не будем терять времени, – посмотрел он на остальных. – Голд! Берн! Вперёд! Двигаем к «Охотничьему Дому».

А вот насчёт «разжиться информацией» я немного поторопился. Передвигаясь по городу совсем не до разговоров было. Двигались компактной группой, каждый контролировал своё направление и ни на что другое не отвлекался. Часто петляли, обходя стоявших толпой зомбаков, но уверенно продвигались к цели. Один раз воочию увидел, как Мика из арбалета стреляет. Она почти не целилась, стрелу в голову зомбаку слёту вклепила, когда он нам мешал дальше через двор пройти.

При подходе к магазину особенно постараться пришлось, рядом с ним, через дорогу, лицей и детский садик находились, вот зомбаков там просто невероятно много собралось. И, если не ошибаюсь, не только зомби, но и вурдалаки в той толпе мелькали. Так что мы чуть ли не ползком обошли эту толпу, потом через гаражный кооператив с тыла подошли к нужному месту.

Чем дальше мы продвигались, тем больше я недоумевал. Возникло такое ощущение, что Сом и его группа этот, почти родной для меня район, лучше меня знали. Они, ни разу не спросив совета, такими тропами продвигались, что я и не знал об их существовании до этого момента.

Окна «Охотничьего Дома» они тоже слёту, без всяких совещаний, вычислили. И пока Сом с Микой, ну и я с ними, контролировали подходы, Голд с Берном, так же молча, как до этого по городу передвигались, достав у последнего из рюкзака гидравлический болторез, шустро с решёткой разобрались. Выгнули её вверх, легко и непринуждённо вскрыли пластиковое окно, с изрядным грохотом уронив при этом то, что изнутри на подоконнике находилось, и один за другим скользнули внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.